

НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР ОТ ЛИВВУДА БАРКЛИ!

ЛИВВУД

БАРКЛИ

**ОПАСНЫЙ
ДОМ**

Криминальные романы Линвуда Баркли

Линвуд Баркли

Опасный дом

«АСТ»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Баркли Л.

Опасный дом / Л. Баркли — «АСТ», 2014 — (Криминальные романы Линвуда Баркли)

ISBN 978-5-17-095543-5

Семья учителя из маленького городка Терри Арчера переживала не лучшие времена: четырнадцатилетняя Грэйс отчаянно бунтовала, а сам Терри и его жена Синтия все больше отдалялись друг от друга... В общем, обычные горести обычных людей. А потом случилась беда – и эти обычные горести отступили на второй план. В результате нелепой подростковой выходки Грэйс стала свидетельницей жестокого преступления... И теперь не только она, но и ее родители оказались втянуты в запутанную историю ограблений и кровавых убийств. Обратиться в полицию они не могут, и выживать придется, рассчитывая только на себя.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-095543-5

© Баркли Л., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	44
Глава 11	47
Глава 12	49
Глава 13	51
Глава 14	54
Глава 15	57
Глава 16	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Линвуд Баркли

Опасный дом

Посвящается Ните

Linwood Barclay

NO SAFE HOUSE

Печатается с разрешения Barclay Perspectives Inc. и литературных агентств The Helen Heller Agency и The Marsh Agency Ltd.

© Linwood Barclay, 2014

© Перевод. А. Ю. Кабалкин, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Ричард Брэдли никогда не считал себя жестоким, но сейчас готов был совершить убийство.

– Я так больше не могу, – произнес он, сидя в пижаме на краю кровати.

– Не смей туда соваться, – сказала жена Эстер. – Хватит. Наберись терпения.

Музыка, гремевшая по соседству, не просто действовала на слух, а терзала сразу все органы чувств. Низкий бас, похожий на биение гигантского сердца, заставлял вибрировать стены дома.

– Уже одиннадцать часов, – простонал Ричард, включая лампу. – И это в среду! Не вечером в пятницу, не в субботу – в среду...

Супруги Брэдли прожили в своем скромном домике на милфордской улице, возраст которой, судя по почтенным деревьям, насчитывал лет сто, три десятка лет. Соседи у них перебывали всякие – и плохие, и хорошие. Но таких невыносимых, как теперь, еще не было. И мучение длилось давно. Владелец соседнего дома уже два года сдавал его студентам колледжа «Хусатоник», что в Бриджпорте. С тех пор как это началось, мирный прежде квартал превратился, как ежедневно повторял Ричард Брэдли, в «кромешный ад».

Студенты – съемщики дома селились все хуже, а нынешняя орава вообще перешагнула предшественников. Чуть ли не каждую ночь включала в доме оглушительную музыку, всю округу провоняла марихуаной и замусорила бутылочными осколками.

А ведь раньше здесь был неплохой уголок. Поблизости жили молодожены, в семьях появлялись первенцы. Без подростков с их проказами и тогда не обходилось, но если кто-нибудь позволял себе выходки – устраивал, например, шумную вечеринку, оставшись дома без присмотра, – то на следующий день родители, выслушав жалобы соседей, делали несовершеннолетнему нарушителю спокойствия нагоняй, и безобразия больше не повторялось. На улице жили и пожилые люди, много пенсионеров. К последним принадлежали супруги Брэдли, учительствовавшие в Милфорде и окрестностях с семидесятых годов, а после ушедшие на покой.

– Для этого, что ли, мы всю жизнь вкалывали? – обратился Ричард к Эстер. – Чтобы нам подсунули таких соседей – банду проклятых смутьянов и крикунов?

– Уверена, они скоро уймутся, – произнесла она, садясь в постели. – Так всегда бывает: пошумят и успокоятся. Мы ведь тоже когда-то были молодыми. – Эстер поморщилась. – Только очень давно...

– Напоминает нескончаемое землетрясение, – проворчал он. – Непонятно, что это за музыка, черт бы ее побрал! А ты знаешь?

Ричард встал, взял со стула халат, запахнулся и завязал пояс.

– Так ты спровоцируешь себе сердечный приступ, – предостерегла его Эстер. – Нельзя идти воевать каждый раз, когда это происходит!

– Я вернусь через пару минут.

– Ричард!

Видя, что мужа не переубедить, Эстер Брэдли откинула одеяло, тоже надела халат, нашла под кроватью домашние тапочки и заторопилась за ним следом вниз по лестнице. Она настигла его уже на крыльце и только теперь заметила, что он вышел из дому босиком. Попытка остановить мужа, схватив за руку, не удалась – он высвободил руку, да так резко, что у нее заболело плечо. Ричард спустился по ступенькам, вышел на тротуар, повернул налево и зашагал к соседнему дому. Можно было бы по лужайке, если бы трава не была сырой после вечернего дождя.

– Ричард! – взмолилась Эстер, устремившись за ним вдогонку.

О том, чтобы оставить мужа одного, и речи быть не могло. По мнению Эстер, в ее присутствии даже самая буйная молодежь не осмелилась бы причинить ему вред. Не набросятся же они с кулаками на пожилого человека при его жене!

Ричард с уверенным и решительным видом поднялся по ступенькам к двери трехэтажного викторианского дома. В окнах дома горел свет, музыка орала так, словно предназначалась для всей округи. Но она оказалась недостаточно громкой, чтобы заглушить крики и смех. Ричард забарабанил в дверь. Жена тревожно наблюдала за ним с нижней ступеньки.

– Что ты им скажешь? – спросила она.

Теперь он, не обращая на нее внимания, бил в дверь кулаком. После второго удара ногой, когда Ричард занес ногу для третьего, дверь наконец отворилась. Появился худой юнец лет двадцати, шести с лишним футов роста, в джинсах и темно-синей футболке, с бутылкой пива «Курс» в руке.

– Вам чего? – Юнец пару раз моргнул, не сразу разглядев визитера. Редкие седые волосы на голове у Брэдли стояли дыбом, полы халата разошлись, глаза вытаращились от гнева.

– Вы что тут вытворяете? – крикнул он.

– Простите? – удивленно проговорил парень.

– Вы устроили шум на весь квартал!

Парень широко разинул рот, но не сразу сообразил, что сказать. Заглянув за спину Ричарда, он увидел Эстер Брэдли, стиснувшую руки в почти молитвенном жесте.

– Музыка громковата, – произнесла она, будто извиняясь.

– Вот вы о чем? Черт! Соседи, что ли?

– Боже правый! – Ричард удрученно покачал головой. – Я хожу к вам сюда, как в караул: и на прошлой неделе, и на позапрошлой. Каждый раз одно и то же! У вас совсем не осталось мозгов?

Дылда поморгал, потом оглянулся и крикнул:

– Выключай, Картер! Эй, Картер! Глуши давай!

Через три секунды грохот сменился оглушительной тишиной. Молодой человек виновато пожал плечами.

– Простите. – Он протянул руку. – Я Брайан. Или я вам раньше представлялся?

Ричард Брэдли протянутую руку проигнорировал.

– Может, зайдете? Хотите пивка? – Брайан весело помахал своей бутылкой. – У нас и пицца есть.

– Нет.

– Благодарим за приглашение, – вежливо сказала Эстер.

– Вы, что ли, из того дома? – осведомился Брайан, показывая пальцем на их дом.

– Из того, – подтвердила Эстер.

– Ясно. У нас сегодня был экзамен, вот мы и снимаем напряжение, понимаете? Если опять расшумимся, просто подойдите и ударьте в дверь, мы попробуем угомониться.

– Я только этим и занимаюсь, – буркнул Ричард.

Брайан пожал плечами, шмыгнув обратно в дом и затворил за собой дверь.

– Смотри-ка, будто приличный молодой человек, – сказала Эстер.

Ричард только махнул рукой. Супруги вернулись к себе. В спешке покидая дом, они случайно оставили дверь приоткрытой. Закрыв и заперев ее, они обнаружили в своей гостиной двух незнакомцев. На диване сидели мужчина и женщина, обоим было около сорока лет. В новеньких джинсах – у нее, кажется, даже со стрелкой – и легких куртках. Увидев их, Эстер испуганно вскрикнула.

– Господи! – ахнул Ричард. – Какого дьявола вам здесь пона...

– Напрасно вы оставили дверь открытой, – произнесла женщина, вставая с дивана. Она оказалась невысокой, всего пять футов, короткие черные волосы собраны в пучок. – Непростительная рассеянность, даже в таком приличном районе.

– Вызывай полицию! – велел жене Ричард Брэдли.

Эстер двинулась в кухню. Неожиданно мужчина вскочил с дивана. Он оказался выше женщины, мускулистым и стремительным. Быстро пересек комнату и преградил Эстер путь. Грубо схватив ее за худые плечи, развернул ее и небрежно толкнул в кресло. Эстер взвизгнула.

– Ах ты, сукин сын! – крикнул Ричард Брэдли и набросился на мужчину, стоявшего к нему спиной.

Удар кулака пришелся незнакомцу в спину, чуть ниже шеи. Тот обернулся и отмахнулся от Ричарда, как от ребенка. Когда Ричард отпрянул, мужчина увидел, что он босой, и придавил ему ногу каблуком. Брэдли вскрикнул от боли и повалился на пол, задев при падении бедром угол дивана.

– Хватит! – сказала женщина. – Дорогой, – обратилась она к своему спутнику, – может, выключишь свет? Тут светло!

– Запросто. – Мужчина нашел выключатель и погасил свет.

– Моя нога, – пролепетал Ричард. – Ты мне ногу сломал!

– Позвольте мне ему помочь, – попросила Эстер. – Я принесу ему лед.

– Сиди, где сидишь! – отрезал мужчина.

Женщина уселась на кофейный столик. Так ей было удобнее обращаться к Эстер и одновременно поглядывать на лежащего на полу Ричарда.

– У меня к вам обоим вопрос, – начала она. – Я задам его один раз. Слушайте внимательно и хорошенько подумайте, прежде чем ответить. Не вздумайте отвечать на мой вопрос своим! Это будет непродуктивно. Поняли меня?

Супруги Брэдли испуганно переглянулись и опять уставились на женщину. Оба покивали – понимаем, спрашивайте.

– Вот и отлично. Прошу внимания! Вопрос простой, проще не бывает. Где она?

Слова повисли в воздухе, никто не издавал ни звука. Через несколько секунд Ричард выдавил:

– Где ч... – Поймав грозный взгляд женщины, он осекся.

Она улыбнулась и погрозила ему пальцем:

– Как же так? Я ведь предупреждала. Вы чуть не спалились.

Ричард глотнул.

– Но...

– Вы можете ответить на вопрос? Только учтите, по словам Элая, она здесь.

У Ричарда задрожали губы, он покачал головой и пробормотал:

– Я... я не...

Женщина подняла ладонь, заставив его замолчать, и перевела взгляд на Эстер:

– Как насчет того, чтобы ответить на вопрос?

Эстер подбирала слова с большой осторожностью:

– Я была бы вам признательна за конкретность. Я... Элай? Я не знаю никого, кто носил бы такое имя. Но что бы ни было вам нужно, если у нас это есть, мы вам отдадим.

Женщина со вздохом посмотрела на своего спутника, стоявшего неподалеку.

– Я предоставила вам шанс, – произнесла она. – Предупредила, что спрошу всего один раз.

В следующее мгновение соседний дом опять затрясся от громкой музыки. Окна в доме Брэдли завибрировали. Женщина улыбнулась и сказала:

– Это Дрейк. Молодец! – Она посмотрела на мужчину. – Пристрели мужа.

– Нет! Нет! – крикнула Эстер.

– Господи! – воскликнул Ричард. – Да объясните вы нам, что за...

Прежде чем он договорил, мужчина достал из-под куртки пистолет, навел его на Ричарда и спустил курок. Эстер разинула рот, чтобы закричать, но не смогла издать ни звука. Плышался только тихий писк, будто кто-то наступил на мышшь.

– Полагаю, вы действительно не знаете. – Она кивнула сообщнику, и тот произвел второй выстрел. – Это не значит, что ее здесь нет, – устало сказала она ему. – Впереди долгая ночь, дорогой. Вряд ли она поместилась у них в копилке.

– Надеюсь, нам повезет, – усмехнулся он.

Глава 1

Терри

Сам не знаю, почему я решил, что после тяжелого периода в жизни, после столкновения с жуткими демонами и победы над ними непременно наступит светлая полоса. Ничего подобного! Не сказать, чтобы наша жизнь вообще не улучшилась, хотя бы на время. Семь лет назад дела и вовсе обстояли хуже некуда. Смертям не было числа. Мы с женой и дочерью едва не составили компанию ушедшим на тот свет. Но потом все кое-как утряслось, мы уцелели, остались вместе и поступили как в песне поется: выпрямились, отряхнулись и начали жить заново. Более-менее.

Но шрамы никуда не девались. Нас накрыло нашим индивидуальным вариантом пост-травматического стресса. Уж Синтию, мою жену, – точно. В четырнадцать лет она потеряла всю свою родню: в одну несчастливую ночь ее родители и брат буквально в воздухе растворились, и Синтии пришлось ждать четверть века, прежде чем она узнала об их судьбе. Все закончилось, но счастливого воссоединения не произошло. Хуже того! Тетка Синтии поплатилась жизнью за попытку пролить свет на тайну давностью не в один десяток лет. Или, например, Винс Флеминг, профессиональный преступник: в ту ночь, когда пропала семья Синтии, его, тогда еще мальчишку, угораздило оказаться рядом с ней. Через четверть века он, изменив своей природе, помог нам разобраться в том, что тогда случилось. Как говорится, благие дела не остаются безнаказанными. За свое добросердечие Винс поплатился пулей и тоже едва не отправился на тот свет.

Вероятно, вы обо всем этом слышали. В новостях о тех событиях постоянно сообщали. Хотели даже снять кино, но потом все заглохло – по мне, это только к лучшему. Мы думали, что сможем захлопнуть книгу на этой главе. Ответы на вопросы даны, загадки разгаданы. Плохие люди поумирили или сели в тюрьму. Что называется, дело закрыто. Но это как страшное цунами. Вы воображаете, будто худшее позади, но проходят годы, а на берега разных континентов все выбрасывает и выбрасывает жуткие останки.

День за днем Синтия жила в страхе, как бы прежняя история не повторилась с ее теперешней семьей. Со мной. С нашей дочерью Грейс. Беда в том, что шаги, которые она предпринимала ради того, чтобы этого не случилось, привели нас в зону, регулируемую так называемым законом непреднамеренных последствий: это когда действия с целью достижения некоего результата вызывают его противоположность.

Старания Синтии уберечь нашу четырнадцатилетнюю дочь Грейс от опасностей большого мира побудили ребенка как можно быстрее испытать на себе, каков он, этот мир. Я не терял надежды, что рано или поздно мы выберемся из темноты на свет. Но все указывало на то, что в ближайшее время этого ждать не приходится.

У Грейс с ее матерью каждый день возникали громкие перепалки. Раз за разом, вариации на одну и ту же тему. Грейс не признавала «комендантского часа». Не звонила, прибыв на место назначения. Говорила, что едет к одной подруге, а попадала совсем к другой, не уведомив мать об изменении маршрута. Изъявляя желание побывать на концерте в Нью-Йорке, отказывалась вернуться домой раньше двух часов ночи и, естественно, нарывалась на материнский запрет. Я в этих прениях пытался выступать миротворцем, но, как правило, безуспешно. В беседах с Синтией с глазу на глаз твердил, что понимаю ее, тоже не хочу, чтобы с Грейс стряс-

лась беда, но при этом считаю, что если не давать дочери никакой свободы, то она не научится самостоятельно справляться с жизнью в реальном мире.

Их стычки обычно завершались тем, что одна или другая в бешенстве выбегала из комнаты, громко хлопая дверью. Или как вариант: Грейс кричит Синтии, что ненавидит ее, и, покидая кухню, опрокидывает табурет.

«Господи, ну вылитая я! – говорила в таких случаях Синтия. – Я в ее возрасте была просто чума! Потому и не хочу, чтобы она повторяла мои ошибки».

Даже теперь, через тридцать два года, Синтия не рассталась с чувством вины за ту ночь, когда исчезли ее мать с отцом и старший брат Тодд. Она все еще отчасти верила, что если бы не болталась тогда с парнем по имени Винс без родительского разрешения и даже ведома, если бы не напилась и не забылась, едва упав на свою постель, то узнала бы, что происходит, и каким-то образом спасла бы своих близких. Вопреки фактам, Синтия сохраняла убежденность, будто все происшедшее тогда стало карой за ее непослушание.

И теперь она не хотела, чтобы Грейс когда-нибудь пришлось винить себя в похожей трагедии. Она внушала дочери, как важно не поддаваться давлению сверстников, не позволять им втягивать ее в любые сложные ситуации, всегда прислушиваться к внутреннему голосу, когда он подсказывает: дело плохо, пора сматываться! На жаргоне Грейс это называлось «бла-бла-бла». Напрасно я твердил жене, что почти каждый ребенок проходит через подобный этап. Даже если Грейс совершит ошибки, их последствия не обязательно будут такими же тяжелыми, как в случае самой Синтии. Грейс уже была подростком. Еще лет шесть – и если мы с Синтией сумеем протянуть эти годы, дочь предстанет перед нами благоразумной молодой женщиной. Однако в то, что такой день наступит, пока трудно было поверить.

Взять хоть злополучный вечер, когда Грейс оказалась в торговом центре «Пост Молл» одновременно с Синтией, заглянувшей туда за новыми туфлями. Синтия засекла нашу девочку перед «Мейси», курящей в компании одноклассников. Напав на нее в их присутствии, она погнала ее в машину, а потом так на нее разоралась, что проехала без остановки знак «стоп». И чудом избежала столкновения с самосвалом. «Мы чуть не погибли, – призналась Синтия. – Я совершенно утратила над собой контроль, Терри. Была сама не своя».

После того случая она впервые решила отдохнуть от нас. Хотя бы недельку. Ради нас – в большей степени ради Грейс, – да и ради себя самой. Взять тайм-аут, как она это назвала. Эту идею ей подсказала Наоми Кинзлер, психотерапевт, которую Синтия посещала много лет. «Надо уйти от конфликтной ситуации, – наставляла ее Кинзлер. – Это не бегство, не отказ от ответственности. Просто перерыв на размышление, перегруппировка сил. Вы вправе позволить это себе. У Грейс тоже появится время подумать. Возможно, она не перестанет вас осуждать, но по крайней мере поймет. Утрата семьи нанесла вам ужасную рану, которая никогда не заживет. Сейчас Грейс этого не осознает, но рано или поздно, уверена, это произойдет».

Синтия сняла номер в «Хилтон-Гарден», около торгового центра. Сначала она для экономии нацелилась на дешевый отель «Джаст Тайм», но я воспротивился. Во-первых, это дыра, а во-вторых, несколько лет назад этот отель считался центром проституции.

Неделя ее отсутствия показалась целым годом. Удивительнее всего было то, как соскучилась по матери Грейс.

– Она нас больше не любит, – заявила она вечером, стоя над разогретой в микроволновке лазаньей.

– Ничего подобного.

– Меня-то она точно разлюбила.

– Твоя мама устроила себе перерыв именно потому, что очень любит тебя. Знает, что зашла слишком далеко, что перегнула палку и ей нужно время для наведения порядка у себя в голове.

– Скажи ей, чтобы не тянула.

После возвращения Синтии у нас на месяц воцарилось подобие мира. Позднее мирный договор начал давать трещину. Сначала трещина была малозаметной, потом стала углубляться. В конце концов военные действия возобновились с прежней силой. В каждом таком сражении страдали чувства обеих, и проходило несколько дней, прежде чем возвращалась нормальная жизнь – или хотя бы ее подобие. Я раз за разом предпринимал попытки посредничества, но безрезультатно: их было не остановить. Синтия сообщала Грейс все мало-мальски важное при помощи записок, подписанных «Л. Мама», – так же поступала некогда ее мать, когда, гневаясь на дочь, не могла заставить себя написать полностью слово «люблю».

А вскоре подпись удлинилась до «Люблю, мама», и это знаменовало потепление в отношениях. Грейс искала предлога, чтобы спросить у матери совета. «Пойдет эта блузка к брюкам?» «Поможешь с этим домашним заданием?» Так зарождалась возможность диалога. Все становилось чудо как хорошо. А потом снова – ужас как плохо. Вот и на днях дела были совсем плохи, просто из рук вон.

Грейс приспичило отправиться с двумя подружками в Нью-Хейвен, на огромную распродажу подержанных тряпок, устраиваемую там по средам. Это было возможно сделать только вечером, ведь днем они учились. Как и в той истории с концертом в Нью-Йорке, возникла угроза позднего возвращения домой на поезде. Я вызвался отвезти их на барахолку, как-нибудь убить время и доставить живыми-невредимыми обратно, но Грейс отказалась. Ей и ее подружкам не пять лет! Они хотят самостоятельности.

– И думать не смей! – заявила Синтия. Она готовила ужин (помнится, свиные отбивные в панировке и дикий рис). Терри, ты же на моей стороне? Пусть она даже не думает!

Прежде чем я успел вмешаться, Грейс выпалила:

– Ты что? Я же не в какой-то чертов Будапешт намылилась! Всего-то в Нью-Хейвен.

Это было что-то новенькое – употребление бранных словечек. Однако винить нам было некого, кроме самих себя. Нам с Синтией случалось в раздражении или огорчении употребить грубое слово. Если бы при каждом использовании таких неподобающих словечек мы бросали в специальный кувшин монету в двадцать пять центов, то могли бы на накопленные денежки каждый год летать в Рим! Но я все равно решил не давать Грейс спуску.

– Не смей так разговаривать с матерью!

Синтии этого выговора показалось недостаточно.

– Две недели теперь – только в школу и домой, больше никуда!

– Сколько мне расплачиваться за то, что ты не смогла уберечь свою семью? Я тогда еще не родилась. Я ни при чем!

Это был словесный кинжал, вонзенный в самое сердце. Я увидел по лицу Грейс, что она сразу пожалела о сказанном, и не только. Она испугалась. Она переступила черту и знала это. Вероятно, будь у нее такая возможность, она взяла бы свои слова назад, попросила прощения, но рука Синтии уже поднялась, и шанса что-либо изменить у Грейс не было. Она получила пощечину, такую звонкую, что у меня самого вспыхнула щека.

– Синтия! – крикнул я.

Грейс пошатнулась от удара и инстинктивно выставила вперед руку, чтобы за что-нибудь ухватиться в случае падения. Надо же было так случиться, чтобы ей подвернулась сковородка, где жарился рис. Сковородка слетела с конфорки, и ладонь Грейс угодила прямо в горелку. Раздался вопль. Боже, что это было за вопль!

– Господи! – воскликнула Синтия.

Схватив Грейс за руку, она подтащила ее к раковине и пустила на обожженную руку сильную струю холодной воды. Тыльной стороне кисти досталось от соприкосновения с раскаленной сковородой, а ребро ладони попало прямо в горелку. В обоих случаях контакт длился не более секунды, но и этого хватило для сильного ожога. Грейс обливалась слезами. Я крепко обнимал ее, Синтия поливала ей руку холодной водой. Мы повезли дочь в больницу Милфорда.

– Можешь рассказать им всю правду, – сказала Синтия. – Пусть знают, что я натворила. Я заслуживаю наказания. Если вызовут полицию – так тому и быть. Не собираюсь заставлять тебя врать.

Но Грейс наплела врачам, будто кипятила воду для макарон в наушниках – слушала «Катаясь в глубине» Адель и при этом приплясывала, как дурочка, вот и схватилась случайно за кастрюлю, опрокинула... и так далее. Мы привезли Грейс домой с перевязанной рукой. На следующий день Синтия съехала во второй раз.

И до сих пор не вернулась.

Глава 2

- Входи, Регги, входи!
- Здравствуй, дядя.
- Ну что, нашлась?
- Дай сначала раздеться!
- Прости, просто я...
- Нет, не нашлась. Денег тоже нет.
- А я думал... Вроде бы слышал, что нашелся дом и...
- Ложный след. Элай нам соврал, дядя. Непохоже, что можно вернуться и спросить его снова.
- Но вы говорили...
- Я помню, что мы говорили. А сейчас мотай на ус: мы промахнулись.
- Очень жаль. Значит, я напрасно надеялся. В прошлый раз я слышал про твердую уверенность. Просто я разочарован. Если хочешь, можешь выпить кофе.
- Спасибо.
- Я по-прежнему ценю все, что вы для меня делаете.
- Да ладно, дядя.
- Seriously. Знаю, я утомляю тебя своими разговорами, но это правда. Кроме тебя, у меня никого нет. Ты мне как родной ребенок, которого у меня никогда не было, Регги.
- Помни, я больше не ребенок.
- Да, ребенок вырос. Вырос быстро и рано.
- У меня не было выбора. Хороший кофе!
- Жаль, что мы не могли быть вместе раньше.
- Мне никогда не приходило в голову осуждать тебя. Посмотри, разве ты замечаешь во мне какую-то заикленность? Ну, как? А ведь все это произошло именно со мной! Если я смогу двигаться дальше, то и ты сумеешь.
- Для меня это трудновато.
- Ты живешь в прошлом. Вот в чем твоя проблема, дядя. Из-за этого и возникают они в последнее время! У тебя не получается осознать правду.
- Просто я надеялся, что она нашлась.
- Я не опускаю руки.
- Вижу по твоему лицу, что надежды больше нет. Ты думаешь, что все это глупости. Считаешь, что это не имеет значения.
- Неправда. Слушай, я догадываюсь, почему тебе это так важно, почему тебе так важна она. А ты важен для меня. Ты, дядя, один из двух людей, кто мне небезразличен.
- Знаешь, что я никак не пойму в тебе?
- Что же?
- Ты понимаешь людей, умеешь читать их мысли, разбираешься в чувствах, видишь насквозь, но в тебе нет... не найду правильного слова...
- Любви?
- Нет, я другое хотел сказать.
- Сочувствия?
- Вот-вот, его самого.
- Это потому, что я тебя люблю, дядя. Очень люблю. Но сочувствие? Кажется, я понимаю, что заставляет людей шевелиться. Знаю их нутро. Мне нужно знать их эмоции. Нужно знать, когда им страшно. Мне необходимо чувствовать их страх, но у меня нет к ним зла. Иначе у меня бы ничего не получалось.

– Мне бы хотелось быть таким, как ты. К этому чертову Элаю я испытывал именно сочувствие. Он казался мне потерянным ребенком – то есть никаким ребенком он уже не был, ему было года двадцать два. Я считал, что правильно поступаю с ним, Регги, честное слово. И тут этот сукин сын наносит мне удар в спину!

– Наверное, он связался с другой заинтересованной стороной.

– Только не это!

– Ничего особенного, подумаешь, первоначальный контакт! Подробности он придерживал до очной ставки, которая теперь, конечно, не состоится. Похоже, он сказал нам правду о том, как с ней поступил, а вот насчет того, где это произошло, обманул. В дом к учителям можно было не заглядывать. Я уже сомневаюсь, что кто-то что-то знал. Давал ли кто-нибудь свое согласие.

– Не понимаю...

– Не беда. Вот что я тебе скажу: мне понадобится больше людей и гораздо более крупный аванс.

– Элай забрал все, что у меня было отложено, Регги.

– Ладно, обойдусь. Вложу собственные деньги. Возврат налогов – хорошая штука. Позволяет кое-что припасти. Когда все закончится, я не только верну свои вложения и твои деньги, будет много других денег. Как выяснилось, у всего этого привлекательная изнанка.

– Я по-прежнему не понимаю...

– Ну и ладно, тебе не обязательно. Просто не мешай мне делать то, что у меня получается лучше всего.

– Мне не верится... После стольких лет я в конце концов получаю ее назад, а потом снова теряю. Знаешь, у Элая не было права забирать ее у меня.

– Доверься мне, дядя, мы ее вернем.

Глава 3

Терри

Синтия больше не жила с Грейс, но это не превращало нас с ней в чужих друг другу людей. Каждый день мы разговаривали, иногда встречались, чтобы пообедать. Она еще и недели не прожила отдельно, а мы уже пошли втроем ужинать в «Баскское бистро» на Ривер-стрит. Мать и дочь взяли лосося, я – курицу, фаршированную шпинатом и грибами. Все мы были паиньками: ни слова о посещении больницы, хотя Синтия не могла оторвать взгляда от забинтованной руки Грейс. Нереальность происходящего стала ясна, когда мы с Грейс высадили Синтию там, где она поселилась, и уехали домой вдвоем.

С квартирой ей очень повезло. На работе у Синтии была подруга, в конце июня она отправилась путешествовать по Бразилии и не собиралась возвращаться раньше августа, а то и сентября. Синтия припомнила, как подруга жаловалась, что пыталась сдать квартиру на лето, чтобы сэкономить арендную плату, но так никого и не нашла. За день до вылета подруги Синтия сказала ей, что согласна снять ее квартиру. Подруга договорилась с пожилым владельцем Барни, и Синтия въехала в квартиру вместо нее.

Я не ждал ее возвращения домой до начала сентября, Дня труда, но праздник приближался, а Синтия все не изъявляла намерения переезжать, и я заволновался. Лежал ночью без сна на своей половине постели и гадал, не захочет ли Синтия искать другое место, если все это затянется до сентября, до самого возвращения ее подруги.

Недели через полторы после того, как она от нас съехала, я прибыл к ней часов в пять, когда она должна была вернуться из управления здравоохранения Милфорда, где отвечала за многое, от инспекции ресторанов до пропаганды здорового питания в школах.

Я не ошибся: машина жены была припаркована между спортивным «кадиллаком» и старым синеньким пикапом, принадлежавшим Барни. Сам Барни стриг траву сбоку от дома, сильно прихрамывая: похоже, одна нога была у него короче другой. Синтия сидела на террасе, закинув ноги на ограду, с бутылочкой пива в руке. Местечко было миленькое: старый дом в колониальном стиле на Норд-стрит, немного южнее Бостон-Пост-роуд. Дом, без сомнения, когда-то принадлежал какой-то влиятельной милфордской семье, а потом Барни купил его и разделил на четыре квартиры: две внизу и две наверху.

Прежде чем я успел поприветствовать жену, Барни заметил меня и выключил косилку.

– Привет, как дела?

Он считал нас с Синтией без пяти минут знаменитостями, хотя такой славой, как наша, стыдно было гордиться, и радовался любой возможности перекинуться с нами словечком.

– Все в порядке, – отозвался я. – Не хочется отрывать вас от работы.

– Меня ждут еще два дома после того, как я управлюсь здесь. – Барни утер тыльной стороной руки лоб.

Он был владельцем не менее дюжины домов между Нью-Хейвеном и Бриджпортом, превращенных в доходные. Из наших прежних бесед явствовало, что этот дом он считал одним из лучших и тратил на него больше времени. У меня зародилось подозрение, что Барни намерен скоро выставить его на продажу.

– Ваша женушка загорает на террасе, – сообщил он.

– Вижу, – кивнул я. – Вам бы не мешало тоже глотнуть чего-нибудь холодненького.

– Перебьюсь. Надеюсь, все наладилось?

– О чем вы?

– Между вами и женой. – Барни подмигнул мне и опять запустил свою газонокосилку. Когда я поднялся по ступенькам, Синтия поставила пиво на ограждение и встала из шезлонга.

– Привет! – сказала она.

Я надеялся, что жена и мне предложит холодного пива, и когда этого не произошло, заподозрил, что приехал в неудачный момент. В глазах мелькала тревога.

– Все нормально? – поинтересовалась Синтия.

– Лучше не придумай.

– Грейс здорова?

– Говорю же, жаловаться не на что.

Успокоившись, она опять уселась и закинула ноги на ограждение. Я увидел ее сотовый, лежавший дисплеем вниз на деревянном подлокотнике. Рядом с телефоном балансировала раскрытая брошюра управления здравоохранения. «В вашем доме есть плесень?» – прочитал я заголовок.

– Можно присесть? – спросил я.

Жена указала на соседний шезлонг. Я ткнул пальцем в брошюру:

– Появились проблемы? Покажи Барни – он мигом разберется.

Синтия покосилась на брошюру и покачала головой:

– Нет, это наша новая разъяснительная кампания. В последнее время я столько разглазговываю про домашнюю плесень, что мне уже снятся кошмары: за мной гонятся грибы.

– Прямо как в фильме «Капля»!

– Там тоже были грибы?

– Да, только из космоса.

Синтия откинула голову и вздохнула.

– Дома я себе этого никогда не позволяла. Просто переводила дух в конце дня.

– Потому что у нас нет террасы с перилами, – сказал я. – Если хочешь, я построю.

– Ты? – усмехнулась жена.

Строительный опыт у меня был минимальный.

– Ну, пригласил бы кого-нибудь. С молотком я обращаюсь не очень умело, зато за письменным столом мне нет равных. Гонорары валяются, как манна с небес.

– Просто я... Дома всегда было чем заняться. А здесь приходишь домой с работы, садишься и глазеешь на проезжающие машины. Представляешь? Есть время подумать. Знаешь, что это такое?

– Да.

– Я про то, что у тебя хоть есть лето, чтобы передохнуть.

Она была права. Преподаватель имеет июль и август на подзарядку батарей. А Синтия, несмотря на то что работала на город столько лет, имела право лишь на две недели ежегодного отпуска.

– Это и есть мои каникулы: час в конце каждого дня, когда я тут сижу и бездельничаю.

– Вот и хорошо, – сказал я. – Отлично, если это тебе помогает.

Она повернула голову и уставилась на меня:

– Не вижу, чтобы ты был очень счастлив.

– Хочу, чтобы тебе было хорошо.

– Я уже не знаю, что для меня хорошо, а что нет. Вот сижу здесь и думаю, что сбежала подальше от источника своей тревоги, от всех этих скандалов и препирательств дома с Грейс, а потом понимаю, что причина во мне самой. От себя не убежишь.

– У Гаррисона Кейлора есть рассказ о пожилой паре, которая никак не может поладить и размышляет, не поехать ли в отпуск, а муж говорит: «Зачем платить столько денег за несчастье где-то в другом месте, когда я прекрасно могу быть несчастным дома?»

Синтия нахмурилась:

– По-твоему, мы – пожилая пара?

– Суть не в этом.

– Я перебралась сюда не навсегда, – произнесла она, повысив голос: Барни перешел со своей косилкой на лужайку перед домом. На нас пахнуло свежескошенной травой. – Дай поблаженствовать еще несколько дней!

Как ни хотелось мне, чтобы жена поскорее вернулась домой, я не собирался торопить ее. Пусть сначала как следует подготовится.

– Что ты сказал Терезе? – спросила Синтия.

Тереза Моретти приходила к нам раз в неделю убираться. Лет пять назад, когда мы с Синтией так заработались, что оказались не в силах исполнять элементарные домашние обязанности, нам пришлось искать уборщицу. Так появилась Тереза. Хотя летом я бывал свободен и вполне мог бы справиться с уборкой сам, Синтия считала, что было бы несправедливым не занимать Терезу работой в июле-августе. «Ей нужны деньги», – объясняла она.

Обычно я с Терезой не сталкивался – пропадал в школе. Но шесть дней назад я находился дома, когда услышал, как она вставляет ключ в замочную скважину с внешней стороны. Тереза оказалась глазастой. Заметив отсутствие губной помады и других вещей Синтии, в том числе халата на стуле в нашей спальне, она осведомилась, не уехала ли моя жена.

Теперь, сидя с Синтией на террасе, я сказал:

– Я объяснил ей, что ты решила немного побыть одна. Казалось бы, достаточно, но ей понадобилось выяснить, где ты, поеду ли я к тебе, поедет ли Грейс, как долго мы намерены отсутствовать...

– Терезу беспокоит, как часто ей теперь к нам приходиться: раз в неделю или раз в месяц.

– Она придет завтра. Я ее успокою, – пообещал я.

Синтия поднесла к губам бутылку.

– Ты знал этих учителей? – спросила она.

Несколько дней назад в миле отсюда двоих пенсионеров, бывших учителей, нашли убитыми у них в доме. Насколько я понял из прочитанного и увиденного по телевизору, полиция находилась в недоумении. Расследование поручили детективу Роне Уидмор, с которой мы столкнулись семь лет назад. Она говорила, что мотив двойного убийства остается неясен, подозреваемые отсутствуют. Во всяком случае, местная полиция не называла имен.

Мысль, что супруги-пенсионеры, никак не связанные, насколько известно, ни с какой преступной деятельностью, убиты в их собственном доме, повергала Милфорд в шок. Ведущие теленовостей уже называли это «летом страха».

– Никогда с ними не сталкивался, – ответил я. – Мы преподавали в разных школах.

– Ужас-то какой! Неужели их убили без всякой причины?

– Причина всегда существует, даже если кажется бессмысленной.

Бутылка с пивом у Синтии в руке запотела.

– Жаркий выдался денек, – заметил я. – Интересно, каким будет уик-энд? Может, предпримем что-нибудь вместе?

Я потянулся за ее телефоном, чтобы посмотреть на метеоприложении прогноз погоды – дома я всегда так поступал, когда рядом не оказывалось собственного телефона, – но Синтия поспешно убрала его на другой подлокотник, и туда мне было не дотянуться.

– Я слышала, что погода будет хорошей, – ответила она. – Давай обсудим это в субботу.

Из-за дома вышел Барни с газонокосилкой.

– Он надеется, что у нас все наладится, – сказал я.

Она на пару секунд зажмурилась и вздохнула.

– Клянусь, я словечком не обмолвилась! Просто Барни умеет сложить дважды два: видит, что ты приходишь, но не остаешься. Вот и хочет дать добрый совет: типа, куй железо, пока горячо.

– А про него самого ты что-нибудь знаешь?

– Лет шестьдесят пять, женат никогда не был, живет один. Обожает всем рассказывать, как в семидесятых годах повредил в автокатастрофе ногу и с тех пор хромает. Грустный он какой-то, а так ничего. Я слушаю болтовню Барни и стараюсь не обижать его. Боюсь, если у меня засорится унитаз, без его помощи не обойтись.

– Он живет здесь?

Синтия покачала головой:

– Нет. На одном этаже со мной живет парень. Там целая история, как-нибудь расскажу. А на втором – Уиннифред, честное слово, не Уинфрид, а именно Уиннифред! Она библиотекарша. Напротив нее обитает еще один старикан, по имени Орланд. Он старше Барни, тоже одинокий, почти никто его не навещает. – Она усмехнулась. – Прямо «дом проклятых»! Все живут одни, очень одинокие.

– Кроме тебя, – напомнил я.

Синтия отвернулась.

– Я не про себя...

В доме послышался шум: кто-то быстро спускался по лестнице. Дверь распахнулась, выпустив наружу рослого темноволосого мужчину лет тридцати. Он заметил Синтию, а потом меня.

– Привет, милашка, – сказал он. – Как оно?

– Привет, Нат, – отозвалась Синтия со смущенной улыбкой. – Хочу тебя кое с кем познакомиться.

– Пожалуйста. – Нат уставился на меня. – Визит очередного друга?

– Это Терри, мой муж. Терри, это Натаниэл, сосед из квартиры напротив. – Глядя на меня, она выразительно вскинула брови. Это был тот, чью занятную историю она обещала мне поведать.

Сосед покраснел:

– Рад знакомству. Много о вас слышал.

Я покосился на Синтию, но она на меня не смотрела.

– Куда ты направился? – обратилась она к нему. – Ты же не выгуливаешь собак так поздно?

– Решил сходить перекусить, – ответил Натаниэл.

– У вас собаки? – осведомился я.

Он застенчиво улыбнулся:

– Не здесь и не мои. Моя работа – выгуливать чужих собак. Хожу днем от дома к дому и беру шавок своих клиентов на прогулку, пока хозяева отсутствуют. – Натаниэл пожал плечами. – Пришлось внести кое-какие изменения в свою карьеру. Уверен, Син... ваша жена вам рассказала.

Я снова взглянул на Синтию, на сей раз выжидательно.

– Пока нет, – сказала она. – Беги, не станем тебя задерживать.

– Рад был познакомиться, – произнес Натаниэл, сбежал вниз, прыгнул за руль «кадиллака» и укатил по Норд-стрит.

– Выгуливает собак, но водит «кадиллак»? – удивился я.

– Говорю же, это долгая история. В общем, он процветал в бизнесе телефонных приложений, а потом начался кризис, он разорился, поплатился нервным срывом. Теперь ежедневно выгуливает чужих собак и старается вернуться к прежней жизни.

Я кивнул. В этом доме, похоже, люди переводили дух и брались за ум.

– Ну-ну...

Минуту мы оба молчали. Синтия не сводила глаз с улицы. Наконец она произнесла:

– Мне стыдно.

– Случайность, только и всего. Дурацкий инцидент. Ты же не нарочно.

– Я делаю все, чтобы защитить ее, и в итоге именно из-за меня она попадает в больницу. Я не знал, что ответить.

– Тебе, наверное, пора домой, готовить для Грейс ужин, – спохватилась Синтия. – Обними дочь за меня. Скажи ей, что я ее люблю.

– Она знает, – кивнул я, вставая. – Но я ей скажу.

Она проводила меня к машине. Мне щекотал ноздри запах свежескошенной травы.

– Если бы что-нибудь было не так, если бы Грейс попала в беду, ты ведь мне сообщил бы? – спросила Синтия.

– Непременно.

– Нечего танцевать вокруг меня на цыпочках. Я все выдержу.

– Все в порядке! – заверил я с улыбкой. – Это она за мной приглядывает, чтобы я чего-нибудь не учинил. В корне пресекает мои попытки удариться в разгул.

Синтия положила ладонь мне на грудь:

– Я скоро вернусь. Просто мне нужно немного времени.

– Понимаю.

– А ты глаз с нее не спускай. После убийства супругов-учителей у меня в голове творится черт знает что.

Я снова заставил себя улыбнуться.

– Вдруг это их бывший ученик? По прошествии нескольких лет явился поквитаться за кары, которые обрушивались на него из-за невыполненных домашних заданий. Я тоже буду соблюдать осторожность, мало ли что?

– Перестань, это не шутки!

Я заметил, что Синтии не до смеха.

– Прости. Не беспокойся, у нас полный порядок. Когда ты вернешься, будет еще лучше, но мы справляемся. Я слежу за Грейс, как коршун.

Я сел в свой «форд-эскейп» и включил зажигание. По пути домой у меня не выходили из головы две фразы Натаниэла. Первая: «Привет, милашка». И вторая: «Визит очередного друга?»

Глава 4

– Как насчет настоящего удовольствия? – спросил парень.

Вопрос встревожил Грейс. Несильно – так, чуть-чуть. Она догадывалась, к чему клонит Стюарт. Они и так не отказывали себе в удовольствиях – правда, пока строго выше пояса – на заднем сиденье старого «бьюика» его папаша на стоянке «Уолмарт». Машина напоминала авианосец: капот как взлетно-посадочная площадка, багажник вместимостью с хороший корабельный трюм. Внутри можно было не лезть на заднее сиденье: переднее представляло собой длинный широкий диван. Лучше парковой скамейки, потому что мягко. Когда это изделие совершало поворот, складывалось впечатление, будто плывешь на корабле, бороздишь Атлантику, качаясь на волнах и держа курс на манящий юг.

Грейс устраивало то, чего они уже достигли, – она позволила ему несколько смелых прикосновений, но не была уверена, что хочет продолжения. Пока нет. Ей ведь только четырнадцать! Грейс знала, что перестала быть ребенком, но допускала, что Стюарт в свои шестнадцать лет разбирается в сексе лучше ее. Нет, она не боялась первого раза, просто не хотелось показать свое неумение. Все знали – или догадывались, – что Стюарт переспал со многими девчонками. Вдруг она покажется ему неуклюжей? Примет ее за идиотку? В общем, Грейс решила проявить осторожность.

– Не знаю... – ответила она, отодвигаясь и прижимаясь к дверце. – Пока все хорошо. Не хочу переходить на следующий уровень.

Стюарт хохотнул:

– Да я не об этом! Хотя если ты считаешь, что готова, то я обо всем позаботился. – И он стал рыться в переднем кармане джинсов.

Грейс игриво шлепнула его по руке:

– Ты на что намекаешь?

– Будет классно! Описался от восторга!

Грейс догадывалась, о чем речь: о «травке», о чем же еще? Она была готова рискнуть. Это лучше, чем позволить ему лезть ей в трусы.

– Выкладывай! Я кое-что пробовала. «Травка» – отстой, что там у тебя еще? – Грейс врала, желая сохранить лицо.

– Скажешь тоже! Ты когда-нибудь ездила на «порше»?

Странный вопрос!

– Ни на чем не ездила, болван! У меня еще два года не будет прав.

– В смысле, каталась на «порше»?

– Это спортивная машина?

– Ты не знаешь, что такое «порше»?

– Да знаю я! Зачем ты меня спрашиваешь, каталась ли я на «порше»?

– А ты каталась?

– Нет, – созналась Грейс. – То есть думаю, что нет. Обычно я не обращаю внимания, в какую машину сажусь. Может, и в такой сидела.

– Если бы ты побывала в «порше», то заметила бы. Это не просто автомобиль, а самая низкая, самая быстрая вещь!

– Значит, еще нет.

Стюарт был хорош собой и знал себе цену, но вообще-то с ним надо быть настороже. У него был независимый вид, что соблазняло Грейс, которой осточертело ходить по струнке. Но после трех встреч ей стало казаться, будто в голове у него пусто.

Грейс скрывала от отца, что встречается со Стюартом, потому что тот отлично знал ему цену. Она помнила, как неодобрительно отзывался отец об этом ученике два года назад, когда

вел у него в классе уроки английского. Проверая вечером за кухонным столом домашние задания, он ворчал, что этот Стюарт дуб дубом. От отца подобную оценку можно было услышать нечасто: он считал это непрофессиональным, говорил, что не следует комментировать успеваемость учеников, с которыми может быть знакома его дочь. Но, сталкиваясь с особенно вопиющей тупостью, мог и сорваться.

Грейс запомнилась одна отцовская шутка. Долго, лет до тринадцати, она мечтала стать астронавткой, работать на международной космической станции. Стюарт, сказал однажды отец, тоже годится в астронавты, потому что в классе только и делает, что витает в облаках. Этим вечером она была готова согласиться, что отец попал в точку. Как-то раз Стюарт спросил ее, чем она думает заняться после окончания школы, а когда она ответила, ляпнул: «Да ты что? В космос посылают только мужчин». «Что ты такое говоришь? – возмутилась Грейс. – А Салли Райд? Светлана Савицкая? Роберта Бондар?» – «Мало ли, какие еще фамилии ты сочинишь!»

Ну и черт с ним! Не замуж же она за него собирается! Ее цель – повеселиться. Ну, и при случае рискнуть. Разве не о желании рискнуть он ее спрашивает?

– Нет, в «порше» я точно не ездила.

– Хочешь? – усмехнулся Стюарт.

– Почему бы нет? – Грейс пожала плечами.

Завибрировал сотовый.

– Это тебя, – сказал Стюарт.

Грейс достала телефон из сумочки и посмотрела на экран:

– Господи!

– Кто это?

– Отец. Мне пора возвращаться домой. – Время близилось к десяти.

– Немедленно домой, юная леди, – произнес Стюарт важным баритоном. – Вас ждут уроки.

– Прекрати!

Порой отец бывал невыносим, но все-таки ей не нравилось, когда его передразнивали. Грейс терпеть не могла слушать, как ученики школы говорят про него гадости. То еще испытание – учиться в школе, где преподает твой отец! От тебя ждут невозможного, тебе полагается быть паинькой, получать только отличные отметки. «Учительская дочка» – этим все сказано. Училась Грейс, кстати, неплохо, особенно хорошо ей давались точные дисциплины, хотя иногда она нарочно ошибалась, чтобы не прослыть «ботаничкой» и не получить от мальчишек кличку «наша Эми Фарах Фаулер» – так звали заумную зануду из телепередачи.

– Ты ответишь ему? – спросил Стюарт под непрекращающийся виброзвонок.

Грейс уставилась на телефон, умоляя его заткнуться. Примерно через минуту телефон смолк. Но уже через несколько секунд экран снова загорелся: на сей раз эсэмэска.

– Вот черт! Он требует, чтобы я возвращалась домой.

– Отец держит тебя на коротком поводке. Мать тоже контролирует каждый твой шаг?

«Если бы она была дома! – подумала Грейс. – Если бы не сбежала две недели назад после той неприятности с кипятком!» Грейс только три дня назад сняла с обваренной руки повязку. Последний вопрос Стюарта она оставила без ответа, потому что ее больше интересовала прежняя тема.

– Значит, папаша купил тебе «порше»?

– Да ты что! Разве тогда он рассекал бы на таком рыдване?

– О чем же ты тогда болтаешь?

– Я знаю, где взять «порше» и порассекать на нем немного.

– Что-то я не пойму...

– Очень уж хочется позаимствовать такую машинку и минут десять покататься с ветерком!

– Ты про автосалон? – удивилась Грейс. – Разве они работают так поздно? Кто позволит тебе взять машину на тест-драйв на ночь глядя?

Стюарт покачал головой:

– Какой автосалон? Просто тротуар перед домом.

– Ты знаком с владельцами «порше»? – Грейс засмеялась. – Это какими надо быть тупицами, чтобы позволить тебе прокатиться на такой машине?

– Ты не поняла. Я толкую про дом, который на этой неделе стоит пустой. Дом из списка.

– Что еще за список?

– Не суй нос куда не следует. Есть такой у моего отца. Они его постоянно обновляют: кто в отпуск уехал, еще что-нибудь. Я проверяю адреса, откуда люди смотались, смотрю, какие у них тачки. Однажды взял «мерседес» минут на двадцать, никто и не заметил. Вернул без единой царапины. Загнал обратно в гараж, будто пальцем до него не дотрагивался.

– Кто ведет подобный список? – поинтересовалась Грейс. – Чем твой папаша занимается? В охране работает, что ли? – У нее, конечно, уже появилось подозрение насчет занятий отца Стюарта, и она сильно удивилась бы, если бы оказалось, что он заботится о безопасности своих соседей.

– В ней самой, – небрежно бросил Стюарт. – В охране.

У Грейс не выходили из головы звонок и сообщение отца. Она сказала ему, что пойдет в кино с одноклассницей и их отвезет и заберет ее мама. Семичасовому сеансу полагалось закончиться в девять. Как поступит отец, поймав ее на лжи? Никакой одноклассницы, никакого киносеанса. Стюарт – а не мать подружки – должен был высадить Грейс в квартале от ее дома. Отец не отпустил бы дочь гулять с парнем, уже доросшим до возраста управления автомобилем. И уж тем более с этим, в свое время донимавшим учителя своей бестолковостью. Грейс подозревала, что его сомнительное происхождение тоже не составляло для ее отца тайны.

– То, о чем ты рассказываешь, смахивает на угон, – заметила она.

Стюарт покачал головой:

– Еще чего! Угон – это когда ты не возвращаешь машину, а загоняешь барыге, который грузит ее в контейнер и сплавляет в Аравию или еще куда-нибудь. А это просто так, взять покатайся. Даже без попыток выжать из тачки хорошую скорость. Зачем нарываться на штраф за превышение?

Грейс долго молчала, а потом сказала:

– Наверное, это будет весело.

Глава 5

Детектив Рона Уидмор собиралась лечь спать, когда ей позвонили и доложили об обнаружении трупа. Ламонт улегся раньше ее, но, почувствовав, что жена одевается, проснулся.

– Что такое, детка? – спросил он, поворачиваясь к ней.

Рона никогда не уставала от звука его речи, ей хватало даже одного его словечка, тем более трех. Не важно, что он говорил, – теперь, после длительного периода упорного молчания. Ламонт вернулся из Ирака с тяжелой психической травмой: такого там навиделся, что надолго оцепенел. Месяц за месяцем помалкивал, пока однажды ночью – с тех пор прошло три года – ей не прострелили плечо. Тогда он появился в кабинете неотложной помощи и спросил: «Ты цела?» Стоило схлопотать пулю, чтобы услышать те два словечка.

– Придется ехать, – ответила она. – Прости, что разбудила тебя.

– Ничего, – сказал Ламонт, все еще прижимаясь щекой к подушке. Наученный горьким опытом, он не спрашивал, долго ли она будет отсутствовать. Сколько понадобится, столько и будет.

Рона заперла за собой дверь, села в машину и направилась к месту преступления с единственной мыслью в голове: только этого Милфорду не хватало – очередного убийства! Люди и так напуганы. Оставалось надеяться, что на сей раз дело окажется простым, вроде поножовщины после драки в баре. Драки в барах со смертельным исходом не вселяли в жителей страха. Один идиот убил в баре другого идиота, подумает большинство и плечами пожмет. Чего еще ждать от перепившихся кретинов? Сидя в своих безопасных жилищах, добропорядочные милфордцы не усматривали в подобных преступлениях угрозу для себя.

Двойное убийство, гибель супругов Брэдли, – совсем другое дело, лошадка редкой масти, как говаривал отец Роны Уидмор. Двоих безобидных пенсионеров застрелили в гостиной без видимой причины? Такое вселяло настоящий страх.

Пока у Уидмор не было зацепок. За Ричардом и Эстер Брэдли не числилось ни единого правонарушения; неоплаченного штрафа за стоянку – и то не было зафиксировано! На их замужнюю дочь, жившую в Кливленде, у полиции тоже не было ровным счетом ничего: ни плантации марихуаны в подвале, ни лаборатории по изготовлению метамфетамина на заднем дворе. Не считать же зацепкой то, что чуть раньше тем же вечером Ричард Брэдли ломился в дверь соседнего дома, требуя, чтобы окопавшиеся там студенты сделали потише музыку! Сначала молодежь числилась у Уидмор единственными свидетелями. Но чем дольше она их проверяла, тем больше убеждалась, что с убийством супругов Брэдли у них нет ничего общего. Так кто же, черт возьми, их убил? И почему?

Прилетевшая из Кливленда дочь убивалась из-за утраты родителей, но в перерывах помогала Уидмор обшаривать дом, чтобы определить, чего там недостает. По мнению дочери, из дома ничего не пропало, да у ее родителей и не было ценных вещей. Убийца даже не позаботился забрать из бумажника Ричарда Брэдли или из кошелька Эстер Брэдли наличные и кредитные карты. Это исключало наркоманов, нуждающихся в деньгах на очередную дозу.

Убийство с целью пощекотать себе нервы? Ничего ритуального в убийствах не просматривалось. Надписи кровью на стене «тсс, никому не говори!» и то не было. Рона думала о том, не сыграл ли роль факт, что убитые – бывшие учителя. Ей представлялся примерно такой сценарий: обиженный много лет назад ученик вообразил, будто Ричард или Эстер загубили ему жизнь, и явился отомстить. Версия выглядела притянутой за уши, но в отсутствие другой приходилось довольствоваться ей. Хотя убийства по мотиву мести обычно не получают такими «чистыми».

Ричард и Эстер Брэдли получили по одной пуле в голову. Очень хладнокровное и эффективное двойное преступление. Никаких отпечатков пальцев не обнаружено. Убивающие из

чувства мести обычно переусердствуют. Двадцать колотых ран вместо трех. Шесть пуль там, где хватило бы одной. Договорились: действовал профессионал. Зачем? Непонятно. Для чего заключать контракт на устранение двух ушедших на пенсию учителей? Вот что сводило с ума детектива Рону Уидмор.

Вероятно, новое убийство, совершенно не нужное городу Милфорду, окажется именно тем, что требуется ей. Хотя бы прочистятся мозги, замутненные делом Брэдли. Появится необходимость сосредоточиться. Иногда это помогало. Вдруг, вернувшись к расследованию двойного убийства, она заметит то, что ускользало от ее внимания раньше?

Выяснилось, что детектива Уидмор вызвали не в бар, а в Национальный парк «Сильвер-Сэндс» – сорок пять акров песчаных пляжей, дюн, участков разной степени заболоченности, прибрежных лесов. Она поехала на юг, мимо пансионатов для престарелых на правой стороне, а потом повернула налево и покатила вдоль пляжа и дощатого прогулочного настила. Там, где кончался настил, стояли три автомобиля милфордской полиции с вращающимися «мигалками» на крыше. К ее машине без опознавательных знаков приблизился полицейский.

– Детектив Уидмор? – спросил он.

– Не узнаешь, Чарли? Как дела?

– Помаленьку. У нас с женой прибавление в семействе.

– Поздравляю! Мальчик, девочка?

– Девочка, назвали Табитой.

– Вот и славно. Так что у нас здесь?

– Труп белого мужчины, возраст – двадцать с небольшим. Похоже, схлопотал две пули в спину при попытке убежать.

– Свидетели?

Чарли покачал головой:

– Это не обязательно произошло прямо здесь. Его могли привезти сюда убитым.

Уидмор уже натягивала перчатки:

– Куда идти?

Она двинулась за полицейским по настилу. Здесь изрядно побушевал ураган «Сэнди», много чего попортивший в округе, но дыры в настиле уже успели заделать.

– Сюда! – Чарли показывал влево, на высокую траву, отделенную настилом от моря. Там уже стояли другие полицейские, с расставленных шестов светили прожектора.

Уидмор утонула в траве по пояс. В нос ударил запах разлагающейся плоти, но благодаря душшему от воды ветерку ее не затошнило.

– Кто его нашел? – спросила она, достав из кармана фонарик.

– Двое детей. Они убежали и вызвали нас. Никуда не делись, дождались неподалеку.

– Вы их отпустили?

– Сначала записали имена и адреса. Их забрали родители.

Труп лежал лицом вниз. Убитый имел приблизительно двести фунтов веса, короткие светлые волосы, на нем была слишком просторная футболка и шорты цвета хаки с полдюжиной карманов, белые носки и кроссовки. Присев на корточки, Уидмор заметила что-то в его нижнем кармане. Бумажник. Открыв его, она осветила фонариком водительское удостоверение в прозрачном пластиковом кармашке.

– Элай Ричмонд Гоуман, – прочитала Рода и стала разглядывать два пулевых отверстия в окровавленной футболке. – Переверните его на спину!

Двое полицейских выполнили ее требование.

– Где кровь? Она вытекла не здесь. Куда пропал Чарли? Похоже, он прав: потерпевшего привезли сюда уже мертвым. Джоя вызвали? – Так звали судмедэксперта.

– Вызвали, – ответил кто-то.

Уидмор изучила содержимое бумажника. Шестьдесят восемь долларов наличными. Чеки за оплату кредиткой в барах и в винных магазинах. Что ж, по крайней мере, будет с чего начать. Она присмотрелась к водительскому удостоверению, выданному в штате Коннектикут. Убитый родился в марте 1992 года. Двадцати двух лет от роду.

– Ну, приветик, – сказала Рода.

– Что? – отозвался кто-то.

Уидмор не отводила взгляда от удостоверения. Ее внимание приковал адрес Элая Гоумана.

– Сукин сын, – пробормотала она.

Знакомая улица. Она побывала там недавно. Элай жил в двух домах от места, где убили Ричарда и Эстер Брэдли. Уидмор почти не сомневалась, что именно по этому адресу обитали шумные студенты.

Глава 6

– Чего ты так боишься? – спросил Стюарт у Грейс по дороге к дому, где их ждал «порше». – Поверь, все будет хорошо. Ни малейшего риска!

– Как ты собираешься завести его? Как по телику, что ли? Просто соединишь под рулем два проводка?

– Брось, это все выдумки. Счастливчик ныряет под руль, находит провода – и через пару секунд мотор уже фырчит... Нет, так не бывает. Даже если удастся запустить мотор, то как разблокировать рулевую колонку? Нужен ключ зажигания. Даже если завести машину как в кино, она поедет только по прямой. Терпеть не могу киношную дурь!

– А у тебя есть ключ?

– Еще нет. – Он похлопал правой рукой по бедру Грейс. – Она тут, рядом. Но полквартиры мы пройдем пешком.

Она не следила, куда они едут. Улица в приличной части города заканчивалась тупиком. Вокруг были аккуратно подстриженные лужайки, большие деревья, дома, широкие подъездные дорожки.

– Идем, – сказал Стюарт. Грейс медленно вылезла из машины. Через несколько шагов Стюарт остановился. – Подожди. Я кое-что забыл.

Он вернулся к «бьюику», открыл пассажирскую дверцу, поставил колено на сиденье и наклонился, будто роясь в «бардачке». Засунув найденное за пояс джинсов, он запахнул полу куртки.

– Что там у тебя? – спросила Грейс.

– Фонарь, – ответил Стюарт.

Поверяя номера домов, он дошел до двухэтажного дома в колониальном стиле и остановился.

– Нашел! Идем, нечего здесь торчать и тарашиться, нас заметят.

Хотя вокруг не было ни души.

Стюарт схватил Грейс за руку и повел по подъездной дорожке. Над входной дверью горел фонарь, другой фонарь был включен сбоку от дома, но Стюарт почему-то не сомневался, что никто из соседей их не увидит.

– Чей это дом? – спросила она.

– Какого-то Каунтчилла. Как тебе фамилия? Похоже на «кончил». Тебя спрашивают: «Ты кто?» А ты в ответ: «Я Кончил». А тебе говорят: «Ты так рад меня видеть?» – Стюарт хихикнул. – Ладно, давай сначала заглянем в гараж, проверим, там ли тачка. Вдруг мы напрасно сюда приперлись? – Он еще крепче взял ее за руку.

В гараже, пристроенном к дому сзади, поместилось бы два автомобиля. На воротах было четыре горизонтальных окошка.

– Надо убедиться, что она там, – произнес Стюарт, достал из кармана сотовый, включил его как фонарик и осветил в одно из окошек.

– Я думала, ты принес настоящий фонарь.

– На месте! – сообщил Стюарт, заглянув внутрь. – Видишь? Полюбуйся!

Грейс приблизилась к окошку.

– Ну, машина. Целых две. – В гараже стоял белый двухдверный седан и спортивный автомобиль – низкий, ярко-красный.

– «Ма-ши-на...» – передразнил Стюарт. – Караул, девять-один-один – вот что это такое! «Каррера»! Теперь надо залезть внутрь и раздобыть ключи.

Грейс только сейчас сообразила, что это очень плохо пахнет. Даже живот заболел.

– Нет, это не для меня.

– Говорят тебе, все нормально! Они уехали. Мы залезем, не потревожив охранную сигнализацию. Говорят, у них есть собака – запустили в дом на недельку, и что это значит? То и значит, что внутри нет датчиков, иначе они постоянно срабатывали бы на эту псину.

– Нет, без меня! – Грейс высвободила руку.

Стюарт обернулся:

– Что ты теперь будешь делать? Пойдешь пешком домой? Ты хоть знаешь, где мы находимся? Посидишь на обочине, пока я не вернусь? Брось! Я не нашел у отца ни ключей, ни кода, но это не беда: мы залезем в окно подвала.

Снова сработал телефон Грейс: новое сообщение от отца.

– Твой старикан никак не успокоится?

Она кивнула и убрала телефон. Стюарт отвернулся и опустился на колени перед окошком подвала.

– Датчик должен быть вот здесь, в углу, – сказал он и ударом ноги разбил стекло. Грейс вздрогнула и закрыла себе ладонями рот. – Ты стоишь рядом, поэтому тебе показалось, будто это громко. Больше никто не услышит. В подвале на полу ковер. – Осколки торчали из рамы, как зубы в акульей пасти. – Я мог бы пролезть, но потом истек бы кровью.

Стюарт достал из кармана джинсов кредитную карту с полосками клейкой ленты и что-то блестящее размером со спичечный коробок. Развернув блестящий сверток, он улыбнулся.

– Фольга. Наклеиваешь ее поверх контакта...

Он засунул руку в окно и немного повозился в правом верхнем углу.

– Теперь открываем окно, и сигнализация, как сама слышишь... не срабатывает! – Не вынимая руку из окна, Стюарт открыл раму. Теперь отверстие было достаточно велико, угроза порезаться миновала. – Честно говоря, этот этап всегда меня пугает больше всего. Я уже был готов пуститься наутек.

Он пролез в окно ногами вперед, немного повисел на локтях и спрыгнул с высоты не более фута.

– Пустячное дело! Лезь!

Грейс знобило, хотя был теплый летний вечер. Она запрокинула голову и уставилась в небо. Легкий туман не мешал разглядеть звезды. Грейс вспомнила телескоп, который обожала в детстве. С его помощью она изучала из окна своей спальни звезды, искала астероиды и ужасно боялась, что какой-нибудь из них врежется в Землю и убьет родителей и ее, уничтожив заодно всю планету. Впрочем, какое ей дело до остального мира, если лишится всех родных?! Остаться без семьи... У них дома это было дежурной темой. Вот и теперь ее семья неполная: мать временно поселилась в квартире в старом доме на другом конце Милфорда. Грейс думала, что она должна одуматься и вернуться, но где там... Что она пытается доказать, затягивая свое отдельное проживание? Можно ли серьезно относиться к словам матери про то, что ей необходимо время, чтобы прийти в себя, или это отговорки, прикрытие правды – она не любит дочь и не желает жить с ней под одной крышей? Правда, в последнее время, когда они остались вдвоем с отцом, жизнь стала спокойнее.

Мать слишком напрягалась, беспокоилась, что с дочерью случится беда. Постоянно бесилась. Ей необходимо было каждую секунду знать, где находится дочь, с кем встречается. Требовала от Грейс звонков каждые два часа. Разве всему этому не следовало уйти в прошлое уже много лет назад, когда мать узнала правду о том, что произошло с ней самой в подростковом возрасте?

«Теперь мне самой четырнадцать лет, – думала Грейс. – Долго еще это будет продолжаться? Неужели когда я поступлю в колледж, мать наденет мне на ногу электронный браслет, чтобы следить за каждым моим шагом?»

Иногда Грейс казалось, будто ее мать убеждена: с ней непременно случится что-нибудь страшное, и ей не терпится, чтобы это наконец произошло. Так она того и гляди накличет несчастье! А все потому, что ожидание беды хуже самой беды.

Грейс не исключала, что именно поэтому она находится сейчас с этим болваном, затеявшим отъявленную глупость. С минуты на минуту грянет кризис, и матери придется вернуться домой! «Чушь! Разве я хочу, чтобы мама обо всем этом узнала?»

– Эй! – шепотом позвал ее Стюарт, просунув голову в окно. – Чего ты медлишь?

Она опустила на колени спиной к окну и просунула в окно одну ногу. Стюарт обхватил ее за талию и стащил вниз.

– Не включай свет, – попросил он.

– Можно подумать, я уже тянусь к выключателю, – буркнула Грейс.

Они попали в комнату для отдыха: кожаный диван, два кресла с откидной спинкой, большой плоский телеэкран на стене. Прошли по ковру, хрустя битым стеклом, и поднялись по лестнице. Дом был состоятельным: современная мебель, много украшений, натуральная кожа, алюминий, стекло. Не то что у нее дома! Ее родители довольствовались секонд-хендом и иногда ездили в «Икеа».

– Разве хозяйева не поймут, что у них побывали гости, увидев разбитое окно? – спросила Грейс.

– Ну и что? Тогда это уже не будет иметь значения. – Стюарт освещал им путь телефоном, превращенным в фонарик. – Обычно люди держат ключи от машины близко к входной двери, в каком-нибудь ящике, на тарелочке...

Они дошли до холла, где у стены стоял длинный узкий стол с четырьмя ящиками.

– Ну, вот, – сказал Стюарт. – Наверняка это здесь. – Он выдвинул верхний ящик и направил в него луч. – Только перчатки и разная мура!

Он попробовал выдвинуть следующий ящик, но тот застрял. Стюарт ударился о стол рукой и выронил на мраморный пол что-то тяжелое.

– Что это? – спросила Грейс.

– Я кое-что уронил.

– Револьвер?!

– Нет, сэндвич с тунцом. Что тебя удивляет?

– Ты держишь в своей машине револьвер?

– Автомобиль не мой, пушка тоже. Все отцовское. Подержи его, пока я стану искать ключи.

– И не подумаю!

– Сказано: держи! – Стюарт насильно сунул Грейс в руки револьвер. – Учти, ты начинаешь действовать мне на нервы.

– Что у тебя на уме? Собрался кого-то застрелить?

– Нет, но если кому-нибудь взбрдет в голову помешать нам, пусть дважды подумает, когда ему сунут это под нос.

Грейс отталкивала револьвер, который Стюарт совал ей, но чувствовала, что он начинает злиться. Вдруг он ее стукнет, если она станет сопротивляться? Ударит по лицу? Как она будет объясняться дома? Что наврет про расквашенный нос или подбитый глаз?

– Ясно, – кивнула она.

Револьвер был тяжелый, теплый, непривычный на ощупь. Грейс никогда не держала в руках огнестрельное оружие. У нее возникло ощущение, будто эта штука весит полсотни фунтов – так оттягивала ей руку.

– Главное, не трогай курок, – предупредил Стюарт. – Прежде чем начать стрелять, надо понимать, что делаешь и что произойдет дальше.

– Ты же у нас специалист! – усмехнулась она.

– Попридержи язык! Плохо, в этом ящике тоже нет ключей. – Он открыл третий ящик и покачал головой. – Куда они засунули ключи от «порше»? Логично, чтобы их держали в...

– Ты слышал звук? – перебила Грейс.

Стюарт замер:

– Какой звук?

– Заткнись! Слушай!

Десять секунд они стояли не дыша.

– Ничего не слышу, – прошептал Стюарт. – Что это было?

– Кажется, какое-то движение. Вроде как пол скрипнул. – Она машинально впиалась пальцами в револьвер, но дуло осталось направлено в пол.

– Брось, напридумывала невесть че...

Он осекся – тоже что-то услышал.

– Черт... – пробормотал Стюарт, глядя в сторону кухни.

Грейс сделала шаг к входной двери. На стене у самой двери загорелась маленькая зеленая лампочка сигнализации.

– Нет! – прошипел Стюарт. – Откроешь – зазвучит сирена.

– А почему горит зеленый?

– Звук был где-то внутри дома. – Он на цыпочках двинулся в сторону кухни.

– Нет! Лучше уйдем! – Грейс рассуждала так: если при открытой двери сработает сирена, они успеют добежать до машины и уехать до появления полиции или службы охраны.

– Вдруг нам обоим показалось? Не хочу убегать без причины. Давай искать ключи.

Стюарт вытянул руку с телефоном-фонарем, освещая пол перед собой.

– Пожалуйста! – захныкала Грейс.

– Лучше не отходи от меня, – велел он, делая еще шаг и протягивая ей руку.

– Мне страшно!

Стюарт усмехнулся:

– У тебя же оружие, Грейс. Чего волноваться?

Глава 7

Терри

Телефонный звонок, сообщения остались без ответа. Я пытался вспомнить имя девочки, с которой Грейс собралась в кино. Сара? Сандра? Похоже, Сандра Миллер. После сеанса мать Сандры должна была отвезти Грейс домой. Но у меня не было телефона Сандры, тем более – ее матери; сколько Миллеров может числиться в телефонной книге Милфорда? Я решил не заглядывать в нее. Теперь, когда каждый ребенок на планете разгуливает с сотовым телефоном, мы стали халатно относиться к проблеме досягаемости их друзей. Телефоны могла знать Синтия. Она бы ответила мне, кто такая Сандра Миллер, где живет, каких поп-певиц предпочитает, как давно дружит с Грейс. Наверное, ей доводилось беседовать с матерью Сандры, а значит, в списке контактов в телефоне должен находиться ее номер. Когда у Грейс появлялись новые знакомые, Синтия записывала их координаты – вдруг пригодятся?

Если бы я пережил то же, что пришлось пережить Синтии, то, вероятно, подобная предусмотрительность стала бы и моей второй натурой. Я тешил себя мыслью, что хорошо слежу за Грейс, хотя моя бдительность не шла ни в какое сравнение с бдительностью ее матери. Я проявлял излишнюю снисходительность. Если дочь возвращалась через десять минут после наступления «комендантского часа», я не копировал испанскую инквизицию. Не пилил дочь сверх меры, поскольку стремился ей доверять. Правильнее было бы сказать иначе: мне хотелось верить в ее здравый смысл. Однако подростки не заслуживают доверия. Мне самому в этом возрасте совершенно нельзя было доверять, Синтии, по ее признанию, тоже. Часто родительская доля – просто затаить дыхание и надеяться, что все обойдется.

Да, я предоставил Грейс больше свободы. Заключал с ней сделки. Посулил ей поблажки в обмен на обещание, что даже в отсутствие матери она не будет давать себе волю, а проявит покладистость. Не станет спорить со мной по любому поводу. Грейс согласилась. А вот теперь злоупотребила моим доверием.

Можно было сидеть дома и ждать ее появления, а можно было кинуться на поиски. Я склонялся ко второму варианту, но вот беда, не знал, с чего начать. А главное, велика вероятность того, что она соизволит вернуться в тот момент, когда я умчусь. Этого лучше было избежать: мне хотелось серьезно побеседовать с дочерью в тот момент, когда она переступит порог.

Телефонный звонок застал меня в кухне. В ту же секунду я прижал телефон к уху. Но еще не вымолвив ни слова, убедился, глядя на дисплей, что звонит не Грейс.

– Привет!

– Ты используешь телефон вместо подушки? – произнесла Синтия.

– Стою в кухне, утоляю голод, – ответил я. – А ты чем занята?

– Ничем. Мне стало стыдно из-за пива.

– Из-за чего?

– Когда ты заглянул, я даже не предложила тебе пива.

– Я и не заметил.

– Стоило тебе уехать, как я спохватилась. Проявила негостеприимность, даже грубость.

– Не бери в голову.

Синтия помолчала.

– Неужели?

– Вот оно что!

– Мне нужно было побыть одной. Я подумала: предложу ему пива, а он... А теперь мучаюсь раскаянием.

– Хватит мучений!

– И вообще, как только ты уехал, я расплакалась. Возненавидела себя за то, что не предложила тебе пива! Я поздно поняла, что не хотела, чтобы ты уехал. Господи, Терри, что со мной? Я себя не узнаю!

– Ты была на этой неделе у Наоми?

– Да. Гляжу на нее порой и думаю: как же она, наверное, от меня устала! Столько лет слушать мое нытье!

– Подозреваю, ты изрядно достала ее.

– Что поделаться, если я никак не могу избавиться от посттравматического состояния? Из-за этого жизнь с Грейс превращается для меня в ад. – Пауза. – Она уже вернулась из кино?

– Пока нет, – честно ответил я.

Даже теперь, живя не дома, Синтия интересовалась, дома ли Грейс, иначе ей не удавалось уснуть.

– Когда ей полагалось вернуться?

– Синтия!..

– Просто подумала: раз ей завтра работать, то лучше не возвращаться поздно, иначе она явится на работу усталой. В кухне надо глядеть в оба, там можно пораниться.

На лето Грейс нанялась в яхт-клуб официанткой в буфет.

– Не волнуйся, пока она задерживается всего на несколько минут. Две минуты назад я отправил ей сообщение. Все в порядке.

Это даже нельзя было считать враньем.

– Ладно, – произнесла Синтия.

– Как прошел вечер?

– Побывала у Барни. Забыла, что сегодня день выплаты аренды, а он предпочитает наличные, так что пару часов назад пришлось сгонять к банкомату, а потом ехать к нему расплачиваться.

– Он не предлагал развеять твое одиночество?

Синтия негромко засмеялась:

– Барни говорит, что всю жизнь один, у него никогда никого не было. Вы не представляете, говорит, как вам повезло, что вы не одни, цените это, не разбрасывайтесь близкими. Так он меня напутствует.

– Синтия, ты в порядке?

– Да.

– Я знаю, ты ценишь наш брак.

Или я заблуждался? Может, что-нибудь не так понял? Поверил Синтии, когда она сказала, что ей надо передохнуть, перестать злиться на Грейс? Вдруг ее тревожило не только это? Может, возникли какие-то сомнения на мой счет? Мне на ум пришли слова Натаниэла про «визит очередного друга». Я уже собирался спросить ее, кого он имел в виду, когда в трубке раздался гудок. На дисплее появился номер Грейс.

– Минуточку, звонит наша дочь.

– Конечно.

Я нажал на клавишу.

– Грейс! – раздраженно воскликнул я. – Ты знаешь, который час? – Я не кричал, словно подозревал, что Синтия может услышать меня.

– Папа, папа! Приезжай!

Голос дочери дрожал. Я сразу понял: что-то случилось, и переключился с «сердитого папаши» на «озабоченного»:

- Доченька, с тобой все хорошо? Я думал, мама подружки привезет тебя домой.
- Ты должен приехать. Немедленно!
- Где ты? Что происходит?
- Кое-что случилось, папа. Кое-что...

Глава 8

Терри

Она сказала, что я найду ее в магазинчике при заправке на углу Галф-стрит и Нью-Хейвен-авеню. Как я ни старался вытянуть из дочери подробности, она лишь твердила, что я должен поторопиться.

И еще:

– Не говори маме!

– Уже еду, – сказал я и переключился на Синтию: – Ты слушаешь?

– Я все ждала, что голос скажет: «Ваш звонок очень важен для нас». Все хорошо?

– Ну да... Только ее оказалось некому подвезти, вот она и просит заехать за ней.

– Если хочешь, я сама съезжу и доставлю Грейс домой.

– Не надо, – ответил я, наверное, излишне торопливо. – Сам справлюсь.

У меня не шли из головы слова Грейс: «Кое-что случилось». Чего еще надо родителю? Будь дочь на пару лет старше, я бы подумал, что она зацепила чей-то бампер или нарвалась на штраф за превышение скорости. Но в четырнадцать лет ни то, ни другое ей не грозило, если только она не села, нарушив правила, за руль машины кого-то из своих приятелей... Боже, только не это! Вдруг дочь задержали полицейские за употребление спиртного или за бутылку в сумке? Или она пришла в кинотеатр с пивом? Я не был так наивен, чтобы считать Грейс в этом отношении ангелом. Год назад – ей тогда было тринадцать лет – мать перед стиркой нашла в переднем кармане ее джинсов чек винного магазина. После того инцидента нам не помешало бы вмешательство миротворцев ООН. В конце концов мы выжали из Грейс признание, что старший брат подружки купил для нее бутылку ликера – девочки важничали, добавляя его в кофе, – и отдал ей чек, чтобы было понятно, сколько она ему должна. Вот и на сей раз могло произойти нечто похожее.

Пусть Синтия и утверждала, что ей не требуется сопровождение и она вполне в силах сама разобраться с проблемой, возникшей у нашей дочери, сегодня вечером голос у нее звучал жалобно, и правильнее было избавить ее от лишних хлопот. Если бы я позволил Синтии поехать за Грейс, то через час у нас могла бы грянуть Третья мировая война.

– Ты уверен? – спросила она. – Я не возражаю.

Я был готов придумать убедительный довод. Например, что у нас с Грейс начинается грипп. Зачем Синтии рисковать заразиться? Хотя разве при гриппе я отпустил бы Грейс в кино? Ничего толкового мне в голову не приходило, а плести целую паутину лжи из-за пустякового, как я надеялся, события не хотелось. А главное, мне нельзя было медлить. Разговор с Грейс состоялся несколько секунд назад, а я уже чувствовал необходимость прыгнуть в машину и мчаться на ее зов.

– Нет, – твердо ответил я. – Я сам. Спасибо за предложение.

– Как знаешь, – немного раздраженно сказала Синтия.

– Завтра поговорим.

– Тогда до завтра. Езжай за нашей дочерью. – И она повесила трубку.

Я схватил ключи и выбежал из дому. Отперев автомобиль, сел за руль и выехал задним ходом на Хикори. Оттуда было рукой подать до Памкин-Делайт-роуд. По этой улице я покатил к Бриджпорт-авеню, от нее на восток, через Милфорд-Грин. Через пять минут я достиг угла Нью-Хейвен и Галф. Заправка находилась на северо-восточном углу перекрестка.

Стоило мне появиться, как Грейс пулей вылетела из ночного магазина. Голова понурая, волосы свисают на глаза. Бросившись к машине, она рванула ручку, прежде чем я успел нажать кнопку разблокировки дверей. Я ударил по кнопке, но дочь так дернула ручку, что и со второго раза не сумела попасть в салон.

– Подожди! – крикнул я через стекло.

Она дождалась щелчка, рванула дверцу и взгромоздилась на переднее сиденье. На меня Грейс не смотрела, но я успел заметить, что у нее мокрые щеки.

– Что стряслось, черт возьми?

– Гони!

– Где твоя подруга? Как ты тут оказалась? Почему одна?

– Гони! – повторила Грейс, а потом сбавила тон: – Пожалуйста.

Я проехал между колонками и покатыл по Нью-Хейвен на запад.

– Грейс, – начал я, – ты же не ждешь, что я примчусь за тобой на ночь глядя на заправку, не требуя от тебя никаких объяснений?

– Еще не ночь, – возразила она. – Десять часов или четверть одиннадцатого. Вечно ты преувеличиваешь!

– Что случилось-то? Ты сама сказала: «кое-что произошло».

– Просто я хочу домой. Потом... может быть... я тебе расскажу.

Остаток пути мы проехали молча. Я поглядывал на дочь. Она сидела опустив голову, руки не снимала с коленей и, казалось, разглядывала свои пальцы, то сплетая их, то разводя. Мне показалось, будто Грейс старается унять дрожь в руках.

Я еще толком не затормозил, а она уже выскочила из машины и помчалась к двери дома. Когда я нагнал ее, пыталась отпереть дверь своим ключом, но рука у нее так дрожала, что она никак не могла попасть ключом в замочную скважину.

– Подожди, – произнес я, отодвинул ее и отпер дверь собственным ключом.

Как только дверь открылась, дочь помчалась вверх по лестнице.

– Грейс! – крикнул я.

Если она надеялась запереться в комнате и избежать допроса, то ошибалась. Я погнался за ней. Но вместо своей комнаты Грейс метнулась в ванную и там упала на колени перед унитазом. При первом приступе рвоты она попыталась убрать с лица волосы. Потом приступ повторился. Я не знал, нужно ли ей помогать. Вероятно, после экспериментов детей с выпивкой лучше не спешить с сочувствием, пусть сполна испытают все последствия. Хотя если бы Грейс выпила, то я почувствовал бы запах, когда она села в машину. А я ничего не заметил.

Грейс предприняла третью попытку вызвать рвоту – безуспешную. Я дал ей толстый комок салфеток, чтобы она вытерла лицо, присел рядом с ней на корточки и потянулся к ручке унитаза. Дочь отшатнулась от унитаза и прижалась спиной к стене. Наконец я сумел как следует рассмотреть ее, и увиденное мне не понравилось.

– Как ты себя чувствуешь? – Ответа не последовало. – Что ты пила? Я не почувствовал, чтобы от тебя пахло.

– Ничего, – прошептала дочь.

– Грейс...

– Ничего, понятно?

Неужели это действительно грипп, а я мучаю ее незаслуженным подозрением?

– Несварение желудка? Что-то не то съела?

– Я здорова.

Минуту я молчал. Забрал у нее салфетки, бросил их в корзину, намочил холодной водой мягкую губку для лица.

– Вот, держи.

Грейс опять вытерла рот и приложила холодную губку ко лбу.

– Ну, пора, – сказал я. – Выкладывай.

Дочь уставилась на меня заплаканными глазами. Мне показалось, будто они полны страха.

– Ты была не с Сарой?

– Сандрой.

– Ты же была не с ней?

Она покачала головой.

– И в кино не ходила?

– Нет.

– С кем же ты была? Как его зовут?

Грейс сглотнула.

– Стюарт.

Я кивнул.

– А фамилия?

Она что-то проямлила.

– Я не расслышал.

– Кох.

– Стюарт Кох?!

Грейс бросила на меня сердитый взгляд и отвернулась.

– Да.

– Пару лет назад у меня был такой ученик. Порадуй меня, скажи, что это другой Стюарт Кох.

– Может, и этот. Этот самый! Он учился в Фэрфилде, а в этом году бросил.

Значит, тот самый Стюарт!

– Боже мой, Грейс! Как тебя угораздило связаться с ним? – Я пытался осмыслить услышанное. Стюарт Кох был из тех, кто в простейшем слове из трех букв делает три ошибки. Образцовый хронический двоечник! – Где ты с ним познакомилась?

– Какая разница?

– Он совершенно безнадежен. На нем можно ставить крест, поверь моему слову.

Дочь покосилась на меня:

– Ты хочешь сказать, что его не имело смысла спасать, потому что он не девочка?

Выстрел попал в цель.

Я знал, на кого она намекает: на ученицу, с которой я возился несколько лет назад. Ее звали Джейн Скавалло. Тяжелый был случай: драка за дракой. Никто из учителей не хотел трагить на нее время. А я решил попробовать. Оказалось, что она мастерски пишет сочинения. У Джейн обнаружился настоящий талант, и я стал защищать ее. Существовали смягчающие обстоятельства, и вообще Джейн оказалась девочкой, способной на большее, чем могла представить она сама. Недавно я случайно столкнулся с ней и узнал, что она поступила в колледж. Иногда я обсуждал ее историю с Грейс, и она была в курсе.

– Дело не в этом, – стал оправдываться я. – У Джейн был потенциал. Если и у Стюарта он был, то я этого не заметил. – Я замялся. – Если я в нем ошибся, буду рад услышать это от тебя.

На это ей было нечего сказать, и я не настаивал – чувствовал, что есть проблема посерьезнее. Может, они встречаются? Если да, то когда это началось? Как долго длилось без моего ведома? А сегодня вечером поругались? Поссорились и расстались?

– Что ты делала на заправке?

– Я туда пришла, – произнесла Грейс, вытирая слезу со щеки. – Минут десять тащилась. А на заправке решила, что тебе будет легко найти меня там.

– Стюарт был на машине? – Она молча кивнула. – Как же он отпустил тебя одну на заправку?

– Не в том дело... Ты не понимаешь.

– Не понимаю, потому что ты ничего не рассказываешь. Стюарт обидел тебя? Сделал что-то, чего не должен был делать?

Ее губы разомкнулись, будто она хотела что-то сказать, и снова сжались.

– Ну, что? – напирал я. – Грейс, я знаю, что некоторые моменты тебе проще было бы обсудить с мамой. Он... попытался заставить тебя делать то, чего тебе совсем не хотелось делать?

Дочь медленно кивнула.

– Ах, родная...

– Это не то, что ты подумал. Это не было... Нет, тут совсем другое. Стюарт знал про автомобиль.

– Что еще за автомобиль?

– «Порше». Он знал, где стоит машина, на которой ему вздумалось прокатить меня.

– Машина не Стюарта? Каких-то его знакомых?

– Нет, – прошептала она. – Он решил угнать ее. То есть не навсегда, так, ненадолго, а потом вернуть на место.

Я провел рукой по лбу.

– Боже правый, Грейс! Неужели вы с этим парнем катались на чужом автомобиле? – Перед моим мысленным взором возникли картины одна другой хуже: угнали машину, сбили пешехода, удрали с места происшествия...

– Мы ее так и не угнали, – сказала дочь.

– Вас поймали? Его поймали? При попытке угнать автомобиль?

– Нет.

Я опустил крышку унитаза и сел.

– Придется тебе помочь мне, Грейс. Невозможно задавать бесконечные вопросы, так мы до утра не доберемся до сути. Когда Стюарт полез в чужой автомобиль, ты сбежала?

– Не совсем, – ответила дочь, шмыгнув носом.

Я дал ей еще салфеток, и она высморкалась. Пусть она и не была больна, но выглядела ужасно. Глаза красные, вся бледная, волосы всклокоченные. Я вспомнил, как мы с Синтией возили ее в детстве на пляж «Виргиния», где она зарывалась в песок чуть ли не с головой, строила у самой воды песчаные замки и заразительно хохотала, демонстрируя рот без трех зубов. Существует ли еще та девочка? Она ли это? Или та, прежняя, прячется в глубине души этой, которая сидит сейчас, скорчившись, на полу ванной?

Я ждал, чувствуя ее напряжение. Грейс готовилась открыть мне правду.

– Я думаю...

– О чем?

– Думаю...

– Боже всемогущий! Да выкладывай!

– По-моему, я кое-кого застрелила.

Глава 9

Горди Планкетту казалось, что на встречу все опоздают, даже босс. Он поговорил с парнем за стойкой мотеля и снял номер по повышенной цене – чтобы не заполнять формуляры. В этом клоповнике многие снимали номера на час, и Горди знал, что Винс проведет здесь не более часа, если только их последние клиенты не задержатся. Но и это не беда. Если люди, с которыми назначена встреча, не приходят вовремя, не обязательно долго ждать. Иначе будешь выглядеть слабаком. Эту науку Горди усвоил у Винса. Нечего высидеть на заднице, когда кто-то проявляет к тебе неуважение. Встаешь и уходишь. Кроме того, у опоздания может быть невеселая причина. В дело могут быть замешаны копы. Разве надо дожидаться копов? Пока у Горди сохранялась надежда, что босс, Берт и Элдон успеют приехать раньше их новых клиентов.

Первым объявился Берт Гудинг.

– Где Элдон? – спросил Берт, выйдя из машины и приближаясь к Горди, стоявшему перед дверью комнаты номер 12.

– Элдон? А ты сам? Где пропал? И где Винс?

– По-моему, у него сегодня запись к врачу. Серьезное оправдание! – сказал Берт.

– В последнее время он плохо выглядит.

– Вот именно. Сначала жена, теперь он сам. Но все равно Винс вот-вот заявится. А вот про Элдона я ничего не знаю.

– Господи, – простонал Горди. – Элдону положено прикрывать входную дверь, тебе – заднюю.

– Сам знаю, где мое место.

– Мне сказано находиться внутри. Так распорядился Винс.

– Раньше у Винса все ходили по струнке, но те времена миновали, – проворчал Берт.

Горди прищурился.

– В каком смысле? Из-за его болезни, что ли?

– Не только, – ответил Берт. – Слабоват он стал. Наше дело – угонять машины, обчищать фуры, вот к чему мы приучены.

– Для этого у Винса уже не хватает энергии, – заметил Горди.

– Ему нужна химиотерапия.

– Он не хочет.

– Напрасно. Так ему приходится терпеть боль.

– Давай не будем об этом. Где Элдон?

– Не нравится мне, как все получается.

– Так и скажи боссу: мол, не нравится мне все это. – Горди задирал Берта, зная, что у того кишка тонка. Винс Флеминг действительно сдал, но перечить ему пока было опасно. – Лучше объясни, какая причина была у тебя.

– Для чего?

– Для опоздания.

Берт пожал плечами:

– Джабба. – Так он называл в кругу друзей свою жену Джанин.

Горди не стал выпытывать у него подробности. У Джанин было такое лицо, что даже памплонский бык развернулся бы и помчался обратно, и нрав соответствующий. Горди уважал Берта за крепкий характер: он не колотил жену, хотя мог бы. Видит бог, он умел это делать, как и избавляться от мертвых. Можно было бы, например, увезти тело постылой мегеры на ферму и там за два дня скормить его свиньям. Сам Горди в отличие от Берта не был женат. По его

мнению, оплата женских услуг раз в неделю была более простым средством удовлетворения своих потребностей. Ирония заключалась в том, что Берт поступал так же.

– Вот и Винс, – произнес Берт, указывая на сворачивающий на стоянку «додж». Водитель заглушил мотор, вылез из автомобиля и подошел к Горди и Берту.

– Где Член? – спросил Винс. К несчастью Элдона, его фамилия, Кох¹, буквально напрашивалась на похабные насмешки.

– Понятия не имею, – ответил Берт.

Винс Флеминг склонил голову набок.

– Почему?

– Я ему не звонил.

– Так позвони!

Берт полез за телефоном.

– Эта комната? – обратился Винс к Горди.

– Да. Я заказал кофе и прочее.

Винс пробормотал что-то неразборчивое и двинулся к мотелю. Горди подошел к Берту, ждавшему, когда Элдон отзовется на звонок, и произнес:

– Я был уверен, что ты спросишь босса, почему он опоздал.

– Отвали! – Берт удрученно покачал головой. – Элдон не отвечает. Сейчас включится автоответчик... Слушай, балда, это Берт. Ты уже должен был приехать. Не появишься через две минуты – придется тебе придумать хорошее оправдание. – Берт убрал телефон в карман. – Я обойду мотель и вернусь, – сказал он. Это была их стандартная процедура: осмотреть место встречи со всех сторон.

Горди вошел в номер. Там было все, чего можно ожидать за двадцатку в час. Винс налил в кофе сливки и потянулся за клубничной плюшкой.

– Говорят, это смертельно, – промолвил он, с жадностью кусая.

Горди не знал, шутка ли это и следует ли ему смеяться, поэтому промолчал.

– Что там с Элдоном?

– Берт оставил ему сообщение.

Винс шагнул к окну и раздвинул пальцами в сахарной пудре обвисшие пыльные рейки жалюзи.

– Прежде чем этот кретин притащится, кто-то должен встать снаружи.

– Хочешь, чтобы я прикрывал фасад, а Берт находился внутри?

– Нет, лучше подождем. Смотри, кто-то едет.

С улицы на стоянку, скользнув по ней лучами фар, свернула машина – старый ржавый «фольксваген-гольф», тарахтевший, как газонокосилка. За рулем сидел Элдон. Голова у него была лысая, как бильярдный шар, но размером больше напоминала баскетбольный мяч. Винс ждал, что Элдон прикатит на своем старинном громоздком «бьюике», однако ошибся.

– Я выйду, – сказал Винс Горди, бравшему с подноса бумажный стаканчик с кофе.

Элдон ставил свой автомобиль напротив мотеля, откуда открывался хороший обзор. Сейчас ему навстречу шагал Винс, вид которого не предвещал ничего хорошего. Винс шел медленно и грозно. С некоторых пор он не мог бегать – сказывалось пулевое ранение семилетней давности. Пуля повредила, среди прочего, мышцы у него в животе, отчего все его движения замедлились.

Элдон опустил стекло. Винс заглянул в салон, чуть не ткнувшись носом Элдону в лоб.

– Где ты был?

– Извини, – произнес Элдон, – задержался. Ничего же не произошло?

– Их еще нет.

¹ От *англ.* Koch – мужской половой член.

– Значит, я никого не подвел. – Элдон выдавил улыбку и пожал плечами. – Я на месте. Все в сборе.

Винс убрал голову из его машины и вернулся в номер мотеля. Горди выходил из туалета, затягивая ремень и проверяя «молнию» на ширинке.

– Хороша банда, – пробурчал Винс. – Никакой пунктуальности. – В руке у него завибрировал сотовый.

– Он здесь? – спросил Берт.

– Здесь, – кивнул он, прервал звонок и устало сел на край кровати.

– Я правильно понял? Элдон приехал?

– Приехал. Полная готовность.

Горди заметил, что Винс тяжело дышит.

– Ты в порядке?

– Лучше не придумай.

В руке Винса снова завибрировал телефон.

– Да?

– Наши мальчики на месте, – доложил Элдон. – Подъезжают во внедорожнике «лексус».

– Сколько их?

– Если никто не прячется в багажнике, то всего двое, как ты обещал. Неподалеку остановилась еще одна машина, «БМВ». Не вижу, кто в ней.

– Второй автомобиль?

– Да.

– Копы?

– Не знаю. Все, отъехала.

– Уверен? – спросил Винс.

– Да. Сейчас из «лексуса» выходит водитель. Второй тоже вышел. У второго сумка. Черный рюкзак. Я вылезаю. Скажу им, в какую комнату идти.

Винс Флеминг нажал «отбой» и сообщил Горди:

– Они здесь.

Тот кивнул. Его обязанности были на сей раз ограничены: стоять, наблюдать, охранять. Горди извлек из-за пояса револьвер, чтобы в случае чего быть наготове. За время работы на Винса от руки Горди много кому досталось, сам Винс тоже не бездействовал. Но теперь у босса уже не было энергии.

Пять быстрых ударов костяшками пальцев по железной двери. Винс встал с кровати и открыл дверь. Двое приехавших были похожи друг на друга: белые, приземистые, оба не выше пяти футов шести дюймов, сальные черные волосы, разве что у одного они пострижены короче, чем у другого. Обоим хотелось сравнить с пожарными гидрантами. Чтобы опрокинуть такой гидрант, пришлось бы упереться в него спиной и как следует напрячься.

– Привет! – Винс впустил гостей в номер и закрыл дверь. – Кто из вас Логан?

– Я Логан, – ответил коротковолосый, выглядевший лет на пять старше своего спутника с рюкзаком в руках, и указал на него кивком: – А это Джозеф.

– Вы родственники? – поинтересовался Винс.

– Братья.

Джозеф, не дожидаясь приглашения, поковырялся в коробке из «Данкин Донатс», выбрал плюшку с джемом, надкусил и нахмурился.

– Не люблю вишню. – Выбросив плюшку в корзину, он нашел шоколадную, откусил и улыбнулся. – Другое дело!

– Вкусно? – не выдержал Горди.

Винс молча улыбнулся.

Два движения челюстей – и плюшки как не бывало. Винс, глядя на рюкзак Джозефа, спросил:

– Что вы нам привезли?

Тот не смог ответить с полным ртом, ему на помощь пришел его брат Логан:

– Сначала надо кое-что выяснить. Откуда мы знаем, что тебе можно доверять?

Винс посмотрел на него взглядом мертвеца.

– Ты бы не приехал, если бы не навел справки.

Логан пожал плечами:

– Да, навел.

– Хочешь делать бизнес? Я готов. Не уверен? Забирай своего брата-свинью и проваливай.

– Что? – произнес Джозеф, облизывая пальцы.

Винс не сводил взгляда с Логана:

– Да или нет?

– Да, я хочу делать бизнес.

– Ты позволишь ему так со мной разговаривать? – обратился к брату Джозеф.

– Заткнись! Давай рюкзак.

Джозеф послушался.

– У меня здесь много, тебе понравится, – сказал Логан.

– Наличные? – уточнил Винс.

Тот наклонил голову.

– Я думал, ты берешь только их.

– Мы возьмем все, что влезло в рюкзак.

– А голову? – усмехнулся Джозеф.

Теперь Винсу пришлось удостоить его взглядом.

– Что?

– Голову. Сюда поместится голова. Например, у нас есть человеческая голова и нам надо ее сохранить, вы и ее для нас припрячете? Мы бы упаковали голову, чтоб не воняла.

– Головы у нас нет, – произнес Логан.

– Начнем считать! – поторопил Винс и ткнул пальцем в дешевый комод с поверхностью из слоистого пластика и со щербатыми ящиками. На нем рядом со старомодным телевизором фунтов в триста весом стояла машинка для счета купюр, похожая на компьютерный принтер-переросток.

– Зачем вам это знать? – спросил Логан.

– Когда приходишь в местное отделение «Бэнк оф Америка» с пачкой денег, тебе достаточно сказать, сколько в ней, и они сразу соглашаются?

Логан с кряхтением водрузил рюкзак на кровать, расстегнул на нем «молнию» и стал обеими руками выгребать перетянутые резинками пачки.

– В каждой пачке штука баксов, – объяснил он. – Всего семьдесят пачек.

– Семьдесят тысяч, – проговорил Винс. – Ты говорил, будет много...

Он покачал головой и взял наугад три пачки. Если бы в каждой оказалось по тысяче, Винс не стал бы считать деньги в остальных. Он снял с пачек резинки и принялся закладывать деньги в машинку. Закончив, он нажал кнопку, и горка денег сверху стала убывать, как высокая трава от порыва ветра. Разделавшись с третьей пачкой, Винс сказал:

– Ладно, теперь сочтем сами пачки.

На то, чтобы сложить семь стопок по десять пачек, у него ушло немного времени. Горди не стал ему помогать. Ему приказали быть настороже, да и как считать с револьвером в руке?

– Что теперь? – спросил Логан.

– Я забираю свою комиссию, – ответил Винс, убирая в карманы пять пачек, пять тысяч долларов. – Это ваша гарантия на полгода.

– Многовато! А если я захочу забрать деньги обратно до истечения полугода?

Винс покачал головой:

– Это минимальная ставка.

– Ладно, – вздохнул Логан. – Мне все равно некуда деваться. За нами может следить полиция. На прошлой неделе они получили ордер на обыск нашего склада. Ничего не нашли, дебилы! Но они знают про нашу собственность. В швейцарские банки нынче уже не сунешься, не те времена!

– Нет, – согласился Винс. – Кажется, у нас все.

Логан замялся:

– Разве нам ничего не положено?

– Захотелось подарочный тостер?

– Нет, квитанцию.

Винс покачал головой. У него были с собой бумажные продуктовые пакеты, чтобы убрать в них деньги, но Логан, указав на рюкзак, сказал:

– Можете взять это.

– Ты только погляди! – обратился Джозеф к брату и показал на ширинку Винса. – Он описался!

Винс опустил голову, чтобы проверить, так ли это, и увидел сбоку от ширинки темное мокрое пятно.

– Проклятие... – прошептал он.

Горди прикусил губу. Так иногда случалось, но разве укажешь на подобную оплошность своему боссу? Тем более при других.

Джозеф шагнул к Винсу.

– Слушай, меня занесло, зря я так... Не обижайся. И не смущайся. Мой дядя, он старше тебя, тоже в свое время грешил тем же самым. Правда, ему тогда было всего три года.

И снова эта его наглая ухмылка! Винс отвернулся от Джозефа и уставился на Логана.

– Ваша мать жива? – спросил он.

– Что?

– Ваша мать. Та, что произвела на свет тебя и твоего брата. Она жива?

Логан заморгал:

– Да, жива.

– Что же ты ей скажешь?

– О чем?

– Что ты ей ответишь на вопрос, почему не постарался спасти брата? Почему не научил его следить за языком? Почему позволил ему стать придурком и нарваться на пулю?

Логан взглянул влево, мимо брата, на Горди, уже вытянувшего руку и приставившего к затылку Джозефа дуло револьвера. Логан медленно сглотнул и сказал брату:

– Проси прощения.

На поворот головы и оценку ситуации у Джозефа ушло довольно много времени. После этого он, глядя на Винса, произнес:

– Я наговорил лишнего. Примите мои искренние извинения.

– Теперь хранение денег обойдется вам еще в пять кусков, – произнес Винс.

Логан посмотрел брату в лицо и указал на дверь. Оба поспешно вышли. Когда за ними закрылась дверь, Горди опустил револьвер и сказал:

– Хватило бы твоего кивка.

Винс опять посмотрел на свои брюки.

– У меня в машине есть сменная одежда.

– Я принесу, – предложил Горди. Это было ему привычно.

Он еще не дошел до двери, когда телефон Винса опять завибрировал. Посмотрев, кто звонит, Винс нахмурился – не разочарованно, скорее от любопытства. Звонили его люди, несшие караул снаружи. Он приложил телефон к уху.

– Я слушаю, милая. Что случилось?

От услышанного он потемнел лицом.

– Повтори номер дома. Хорошо, спасибо, что сообщила. Молодец!

Убрав телефон в карман, Винс обратился к Горди:

– Нам понадобится Берт. Скажи Эдону позаботиться о деньгах. Пусть проваливает поскорее.

– Почему? Разве мы не поедem к тебе обмыть...

– Делай, что тебе говорят. Гони его в шею.

– Что стряслось-то?

Винс пошатнулся и оперся рукой о комод.

– Кажется, за нас взялись.

– Господи!..

Глава 10

Терри

Я решил, что ослышался. Невозможно было поверить, что Грейс произнесла именно эти слова.

– Что ты сделала?

– Мне кажется, я кого-то застрелила.

Значит, не ослышался. Бессмыслица какая-то! Возникло ощущение, будто меня столкнули с крыши высокого дома, а внизу некому поймать. Мостовая приближалась с угрожающей скоростью.

– Я ничего не понимаю, Грейс! С чего ты взяла, что... кого-то застрелила?

– Он дал мне револьвер.

– Кто?

– Стюарт. Он дал мне подержать его. А потом послышались какие-то звуки, было темно, я толком не знаю, что произошло. Громкий звук, а затем револьвер выстрелил! Я не думала, что это я выстрелила, но револьвер-то был у меня, а не у Стюарта, только я не уверена, было так темно, с ума сойти, я никогда раньше не прикасалась к револьверам и ужасно перепугалась. Услышала крик – сама не знаю чей: то ли свой, то ли еще чей-то. Я бросилась бежать. Хотела выскочить во входную дверь, даже если сработает сигнализация, хотя огонек был зеленый. Поворачиваю ручку – а дверь заперта, как ее открыть, не знаю, поэтому побежала обратно в подвал и вылезла в окошко. Что дальше делать – не пойму: я была как парализованная, в шоке. Схватила телефон – и бежать! Мчалась, пока не увидела заправку. Решила позвонить тебе, хотя знала, что вы с мамой распахнетесь, просто ничего больше не смогла придумать. Я не виновата! То есть, может, и виновата...

И она разревелась. Это были не просто слезы, а бурные рыдания.

– Господи, господи, господи... – повторяла Грейс, обхватив руками плечи, раскачиваясь, елозя по стене спиной. Потом подняла голову и посмотрела на меня ничего не видящим взглядом. – Все, моей жизни конец. Я погубила свою жизнь!

Я плюхнулся на пол с ней рядом, обнял, крепко прижав к себе.

– Брось, брось! Мы со всем разберемся. Вот увидишь, разберемся!

Твержу эти слова, а сам себе не верю. Это вам не помятый бампер, не арест за употребление спиртного в несовершеннолетнем возрасте. Такую беду просто так не отведешь.

– В кого попала пуля? В Стюарта? – спросил я, улучив момент между двумя ее всхлипами. – Или тебе показалось, будто там находился кто-то еще? Может, стрелял кто-нибудь другой? Вдруг у Стюарта был второй револьвер? Один дал тебе, а другой оставил себе?

– Нет, я уверена, что у него был только один револьвер. Стюарт ходил за ним в машину. Я его звала, но он молчал. Вскоре послышался какой-то шорох, чье-то движение, я закрыла глаза руками и завопила, так мне было страшно, кто-то пробежал мимо меня. Стюарт не велел мне включать свет, чтобы никто не узнал, что мы там. Думаю, мне теперь крышка. Ведь Стюарт отозвался бы, если бы был жив? Может, те звуки, которые я услышала... Вдруг по дому бегала собака? Он говорил, что у хозяев дома есть собака, поэтому там нет этих штук... ну, ты знаешь, которые засекают, что в дом влезли чужие.

– Датчики движения.

– Вот-вот.

– Ты слышала собаку? Лай?

- Нет, ничего похожего.
- Ладно, Грейс. Где все это происходило?
- В доме.
- Где находится дом?
- Не знаю. – Она сделала несколько глубоких вдохов. – Вернее, вроде бы знаю, только неточно. Недалеко от заправки. Я убежала недалеко.
- Это был не дом Стюарта?
- Грейс покачала головой:
- Нет. Он назвал его «домом из списка».
- Что за список?
- Он не объяснил. Просто список. Они ведут какой-то учет. Вроде это был список его отца.
- Чем занимается отец?
- Грейс шмыгнула носом и пожала плечами.
- Не знаю, что у него за дела. Но Стюарт знал, что жильцы этого дома в отъезде, вот и решил, что может туда забраться, найти ключи и взять машину и прокатиться.
- Боже, – пробормотал я.
- Прости, прости, прости... Я такая дура! Теперь мне не выкарабкаться. Что скажет мама, когда узнает? Возьмет и покончит с собой! Но сначала прибудет меня.
- Грейс, послушай меня. Может, ты в него не попала? Ты видела, что он ранен? Что ты вообще видела?
- Услышала выстрел, но ничего не видела.
- Куда ты направляла револьвер? Ты поднимала его или держала дулом вниз?
- Я думаю... Вряд ли я его куда-то направляла. Стюарт сказал мне не класть палец на курок, но потом, когда стала догонять его, я взяла револьвер по-другому, потому что он тяжелый, и могла случайно положить палец на курок. Он мог выстрелить, когда был вниз дулом, а пуля отскочила и...
- Объясни, откуда взялся револьвер.
- Из «бардачка».
- Стюарт держит в своем автомобиле огнестрельное оружие?
- Автомобиль не его, а папаши. Старая развалина.
- Может, его отец служит в полиции?
- Грейс покачала головой:
- Нет, какая там полиция... – Я чувствовал, что она знает об отце Стюарта больше, чем говорит. – Машина была не полицейская, а старое корыто. Здоровенное!
- Значит, Стюарт достал револьвер из «бардачка». Зачем он ему понадобился?
- На случай, если мы с кем-нибудь столкнемся. Объяснил, что не собирается ни в кого стрелять, просто отпугнет того, кто вздумает ему угрожать.
- Я с трудом сдержался, чтобы не заорать.
- Как вышло, что револьвер оказался у тебя?
- Стюарт выронил его, когда искал ключи, и попросил меня подержать. Я сначала отказалась, честное слово! Прикоснуться к этой дряни не хотела! А он как взбесится!
- Когда раздался выстрел, у тебя заболела рука? – Я не очень разбирался в оружии, но про «отдачу» знал.
- Все так спуталось, точно не вспомню.
- Грейс! – Я пытался поймать ее взгляд. – Смотри на меня, Грейс.
- Она медленно подняла голову.
- Если этот парень ранен, надо оказать ему помощь.
- Что?

– Если он остался в том доме, а в него попала пуля, то наш долг – помочь ему. Если ты действительно в него выстрелила, хотя мы не знаем, так ли это, то он все равно может быть жив. Надо отвезти его в больницу. Вызвать «скорую помощь».

Дочь опять шмыгнула носом.

– Да, наверное...

– Ты знаешь адрес?

– Говорю же, я даже не знаю, где это. Стюарт вел машину, а когда я убежала, то не заметила откуда. Он назвал фамилию людей, которые там живут, но... Нет, ничего не приходит в голову.

– Мы должны найти этот дом.

– Что?

– Придется вернуться туда. Ты сможешь мне найти то место. Будем там кружить, вдруг ты его узнаешь?

Она задрожала.

– Я не могу! Не могу туда возвращаться!

– Тогда позвони ему, – предложил я. – Попробуй позвонить Стюарту на сотовый. Может, он цел и невредим? Вдруг с ним ничего не случилось?

– Я уже пыталась, – призналась Грейс. – После того как сбежала. Сделала несколько звонков ему, прежде чем позвонить тебе. Но он не ответил.

– Попробуй еще разок. Если дозвонишься и окажется, что он пострадал, то мы решим, как нам действовать дальше. А если не дозвонишься, то нам останется одно – искать дом. Если я сейчас вызову «скорую», то не смогу назвать адрес, куда им ехать.

Грейс судорожно глотнула.

– Ладно. – Она указала на сумочку, которую выронила у двери ванной. – Дай мне это.

Я дотянулся до сумочки и подвинул ее к колену дочери. Она порылась в ней, достала телефон, нашла свои последние звонки, повозила пальцем по экрану и поднесла телефон к уху. Долгое ожидание. Испуганный взгляд. В уголке ее правого глаза появилась крупная слеза. Покатившись вниз, она оставила на щеке мокрый след.

– Автоответчик, – прошептала Грейс.

Я встал.

– Значит, поехали.

Глава 11

- Аллю!
- Сколько можно звонить? Десять звонков! Ты уснул, дядя?
- Наверное, задремал. Который сейчас час? Почти одиннадцать... Кажется, мне снился твой отец, наше с ним детство. Он обожал подкладывать шутихи под черепаха. Мать всегда говорила, что у него не в порядке с головой. Что случилось?
- Просто захотелось посвятить тебя в ход дела.
- Давай.
- Они проглотили наживку. Опять.
- Это хорошо, Регги?
- И да, и нет. Оказалось, что тайник не один. Она может находиться где угодно. Это стратегия уменьшения рисков. Умножение точек. Разумно, признаю. Повторяю, здесь есть возможность огрести славный куш. Такой, какого мы сначала не ждали.
- Мне хочется, чтобы у тебя все получилось. Ты этого заслуживаешь.
- Значит, мне пора разработать новую стратегию. Не могу же я находиться одновременно в дюжине мест. У меня есть помощники – пришлось привлечь еще парочку людей, но армией это не назовешь. Вместо того чтобы заниматься поисками, нам, наверное, следует найти способ, чтобы все это – и она заодно – пришло к нам само.
- Считаешь, она в порядке?
- У меня нет причин думать иначе. Но нужно пошевелиться, поскольку ее разыскиваем не только мы.
- Он не сможет ее вернуть. Я этого не допущу.
- Да.
- Знаешь, под телевизор я засыпаю, но когда ложусь спать, то не спится. Все думаю о ней. Про нашу встречу.
- На похоронах, кажется?
- Мы оба учились в школе «Милфорд-Хай» – еще до того, как ее закрыли и поделили на офисы, только она обгоняла меня на год. Дело было через пару лет после моего выпуска. Был такой Брюстер, Клайв Брюстер. Звезд с неба не хватал, почти всегда пьяный. Однажды он болтался и... Знаешь мостик в центре, за лужайкой: с одной стороны башенки, с другой – большие камни с именами людей?
- А как же!
- Ему взбрело в голову прыгнуть с этого моста. Там неглубоко. Он полетел вниз вверх тормашками и приложился башкой о камень. И отправился на тот свет. В церкви собралось много выпускников, и получилось так, что я сел рядом с ней. Она толкает меня локтем и шепчет, мол, у священника сбоку свисает смешная прядь, стоит ему пошевелиться, прядь тоже движется, как антенна. Потом она не удержалась и давай хихикать.
- Ничего себе!
- Я же говорю! Помнишь эпизод с клоуном в сериале Мэри Тайлер Мур? Он изображал на параде арахис и был раздавлен слоном.
- Это было еще до меня, дядя.
- В общем, она вела себя как тот клоун: вся тряслась от смеха, и мне пришлось обнять ее, чтобы успокоить, типа, она не ржет, а рыдает. Я шепчу: «Делай как я, изображай скорбь». Мы с ней сидим на краю скамьи, я ее обнимаю, а она издает булькающие звуки, вроде как рыдает, а на самом деле смеется. Я вывожу ее из церкви, и как только за нами закрывается дверь, она сгибается пополам от смеха. Я беспокоился, что внутри все-таки услышат хохот, поэтому притянул ее к себе и давай успокаивать, почти баюкать. Чувствовал, как она колышется в моих

объятиях. Постепенно она взяла себя в руки и посмотрела на меня. Не знаю, что произошло, но я тоже взглянул на нее и решил, что в жизни не видел подобных красавиц, ну, и стал ее целовать. Прямо в губы, Регги.

– Вот это история!

– Да уж. Целую ее, а сам думаю: нет, так нельзя, сейчас схлопочу по физиономии. Но она обняла меня за шею и ответила на мои поцелуи. Знаешь, что мы сделали потом?

– Расскажи.

– Сняли номер в мотеле и пробыли там до следующего утра.

– Ну, ты и кобель!

– Никогда я не был так счастлив.

– Знаю, дядя.

– Верни ее мне. Верни любой ценой.

Глава 12

Терри

Я захватил из холодильника бутылку воды для Грейс, и мы выбежали из дома. Я распахнул перед ней дверцу машины и помог сесть, будто она сама не смогла бы забраться на сиденье. Дочь двигалась на автопилоте, выглядела сомнамбулой. Я откупорил бутылку и велел ей пить, она послушалась. Застегнул ремень безопасности. Пока я обходил автомобиль и усаживался за руль, Грейс выдула треть бутылки.

– Как ты себя чувствуешь?

Она повернула голову:

– Seriously?

– Да. Дышишь вроде нормально. Тебя больше не тошнит?

– Нет.

– Голова не кружится?

– У меня чувство, что все это во сне.

– В груди не жмет?

– У меня будет сердечный приступ?

– Хочу понять, прошел ли у тебя шок, – объяснил я.

Грейс поморгала.

– Я даже не знаю, как это – шок. Мне страшно, вот что. Какое-то онемение. Почти ничего не чувствую, словно все это происходит не со мной. Нет, это не я!

Если бы... Я прикоснулся к ее коленке.

– Ты справишься. Откуда начнем?

– Давай начнем с заправки, – предложила Грейс. – Может, там у меня прояснится в голове.

Туда мы и отправились.

– Мама не должна узнать обо всем этом, – сказала она. – Ее же не будет дома, когда придут арестовать меня и предъявить обвинение в убийстве, как в сериале «Закон и порядок».

– Давай сначала разберемся, что там на самом деле произошло. Но в любом случае мы не сможем утаить это от мамы. Разве что все окажется просто розыгрышем...

В везение такого масштаба я, конечно, не верил.

– Наверное, если меня посадят в тюрьму, она начнет спрашивать, что со мной стряслось, и все узнает. Или увидит меня по телевизору – знаешь, убийц ведь проводят перед камерами, прежде чем усадить на заднее сиденье полицейской машины.

– Не говори так!

– Меня запихнут в заведение для малолеток, где сидят несовершеннолетние убийцы. В душе меня пырнут ножом. Мне оттуда не выйти.

– Грейс, – произнес я, стараясь не повышать голос, – давай ограничимся фактами и пока отложим неприятные выводы. Мне надо, чтобы ты ясно мыслила. Сможешь?

– Надеюсь.

– Одной надежды мало. Расскажи мне еще раз, что происходило перед выстрелом.

Она зажмурилась, снова представляя себя в том доме. Я догадывался, что, пока наружу не выплывет вся правда, ей придется много раз повторять один и тот же рассказ: мне, Синтии. И, разумеется, полиции. Не говоря уж об адвокатах.

– Начни с того момента, когда Стюарт отдал тебе револьвер.

– Он уронил его, когда искал ключи. Сказал мне его взять, я отказалась...

– Но потом согласилась.

Она кивнула.

– Стюарт ужасно разозлился на меня. Я взяла револьвер и постаралась не трогать курок, как он велел. Я просто держала эту штуку за ручку.

– За рукоятку.

– А вскоре послышался какой-то звук. Он донесся вроде из кухни. Так мне, по крайней мере, почудилось. Темно, совершенно незнакомое место. Стюарт решил проверить, что там, а мне захотелось сбежать, но он велел мне идти с ним.

– Револьвер по-прежнему был у тебя в руке?

– Да... Наверное. Может, я переложила его в другую руку, а затем опять... Точно не помню. У меня в голове все спуталось.

Впереди мелькнули огни бензозаправки.

– Ладно, – кивнул я, – что было потом?

Грейс склонила голову, будто припоминая подробности, о которых раньше не подумала.

– Кто-то сказал: «Ты». Вспомнила!

– «Ты»?

– Ага.

– Кто это сказал? Стюарт?

– Не уверена. Может, и он. А потом... – Она прикрыла ладонью рот. – Прозвучал выстрел. Дальше – шум, словно кто-то упал.

– Выстрел... – повторил я. – Откуда он прозвучал?

– Звук был такой, будто бабахнуло сразу всюду. Я попробовала выбежать в дверь, но не получилось. Опомнилась уже снаружи. Наверное, вылезла в подвальное окошко.

У меня в голове уже проигрывался наихудший сценарий: что оправдался страх Грейс, это она произвела выстрел. Пуля угодила в Стюарта Коха. И он теперь лежит мертвый. В том самом доме. Если я ничего не могу сделать ради его спасения, то обязан предпринять все, что в моих силах, для спасения Грейс. Помочь ей пройти через все это с наименьшими потерями. Моральная сторона ситуации меня в данный момент не интересовала. У меня в мыслях не было, что надо предоставить работать правосудию, а Грейс придется получить по заслугам.

Нет, я рассуждал как отец. Хотел уберечь ее. Даже если она была виновна в чем-то ужасном, я стремился спасти ее. Все остальное меня не волновало. Правосудие находилось вне сферы моего внимания. Я не собирался допускать, чтобы моя девочка села в тюрьму, и уже соображал, как сделать так, чтобы подобного не произошло.

Револьвер. На нем должны остаться отпечатки ее пальцев. Полиция установит связь между ним и пулей, которую вынут из тела Стюарта Коха. Если его действительно застрелили. И если это сделала Грейс. Если бы мне удалось найти револьвер раньше, чем кому-либо еще, то я помчался бы на запад по Бриджпорт-авеню, остановился на мосту через реку Хусатоник и перебросил револьвер через ограду. Именно так я и поступил бы. Никаких сомнений!

– Грейс, – тихо произнес я. – Револьвер.

Она повернулась и уставилась на меня:

– Что «револьвер»?

– Где он?

– Не знаю. Понятия не имею.

Глава 13

Детектив Уидмор не беспокоилась, что разбудит кого-нибудь в такой поздний час. Ее заботило другое: услышат ли ее стук в дверь. В доме громыхала музыка. Она сжала пальцы в кулак и забарабанила в дверь. В случае, если никто не откроет, она была готова вломиться в дом без спроса. Уидмор уже хотела сделать это, когда дверь распахнулась и перед ней предстал молодой человек лет двадцати, с покрасневшими глазами. После убийства супругов Брэдли по соседству она беседовала с жившей здесь троицей молодых студентов бриджпортского колледжа. Допросила каждого и пришла к заключению, что они не только не имеют никакого отношения к двойному убийству, но и не знают ничего полезного для следствия. У нее даже возникло подозрение, что у них вообще отсутствуют какие-либо полезные знания.

Теперь Уидмор явилась сюда по другой причине. Тем не менее ее не покидала мысль, что тут может существовать какая-то связь. Рона Уидмор не любила совпадений.

Увидев ее на пороге, он моргнул и сказал:

– А я вас помню. Кто-то вызвал полицию из-за музыки? Вырубай! – крикнул он внутрь дома, и через пару секунд музыка стихла. – Так нормально? – спросил он детектива.

– Меня не посылают по сигналам о громкой музыке, – ответила она. – Вы Брайан? – Брайан Синайз, если она правильно запомнила – а память подводила ее нечасто. Она знала, как зовут и других парней, обитавших здесь: Картер Хинкли и Кайл Дирк.

– Он самый.

– Картер и Кайл тоже здесь?

Парень кивнул.

– Завидная память! Парни, черная дама-полицейский желает с вами побеседовать! Не про шум!

И он, улыбаясь, повел ее в гостиную, закиданную пустыми пивными бутылками, заставленную полными окурков пепельницами, заваленную пустыми коробками из-под пиццы.

– Мы только что поужинали, – объяснил Брайан. – Пивка?

Уидмор покачала головой:

– Нет, благодарю.

Судя по шагам, двое уже спускались по лестнице. Картер и Кайл оказались сверстниками Брайана. Картер был потяжелее двух других.

– Слушай, друг, – обратился Картер к Брайану, – что ты себе позволяешь? «Черная дама-полицейский» – куда это годится?

Брайан поморщился и виновато покосился на Уидмор.

– Прошу прощения.

– Может, присядем? – предложила она.

Кайл торопливо сбросил со стула коробки от пиццы, чтобы Уидмор было где примоститься. Прежде чем сесть, она придирчиво осмотрела стул и стряхнула с него крошки.

– Вы выяснили, кто уколошил стариков? – осведомился Кайл.

– Аресты пока не произведены, – ответила Уидмор. – Полагаю, вам троим с тех пор не по себе.

Молодые люди переглянулись, а потом пожали плечами.

– В общем-то, да, – кивнул Кайл. – Дрянная история, ясное дело. Однако мы слишком заняты, чтобы постоянно об этом вспоминать.

Остальные двое кивнули. «Вот тупицы!» – подумала Уидмор.

– У вас возникли новые вопросы? – спросил Картер.

– Хочу спросить вас о другом человеке. Думаю, он одно время тоже здесь жил.

– Валяйте!

– Следи за языком, балбес! – воскликнул Кайл.
– Вечно я болтаю не то, – вздохнул Брайан. – Все из-за пива. Как бы мне не угодить в историю!

Его друзья захихикали.

– Здесь живет Элай Гоуман?

– Элай? Жил тут такой года два. Я сюда въехал вместе с Брайаном, когда он доживал здесь последний год. Вскоре Элая сменил Картер.

– Я с ним не пересекался, – уточнил Картер. – Просто слышал про него.

– Но вы с ним знакомы? – обратилась Уидмор к Брайану и Кайлу. Те кивнули.

– А что с Элаем? – поинтересовался Брайан. – Он смылся, не внеся свою долю арендной платы за последний месяц.

– Он учился, когда жил тут? – спросила Уидмор.

– Да. Там же, где и мы.

– Почему переехал?

Брайан пожал плечами:

– Он был кретином. Я не желал его здесь видеть. Кайл тоже.

– Почему?

– Не тянул он, – взялся объяснять Кайл. – Мы стараемся кое-как вести хозяйство: следим, чтобы в холодильнике имелось пиво, чтобы в доме было прилично...

Уидмор удивленно оглядела беспорядок в комнате.

– А Элаю это было ни к чему. Работа по дому была, видите ли, не для него. Он выше этого.

– Точно, – подхватил Брайан. – Если мы заказывали пиццу на троих, он всегда говорил: «Черт, забыл сходить к банкомату, можно мне расплатиться завтра?» Завтра обращаешься к нему, а он: «Что я там съел, так, кусочек, вы сами все сожрали!»

– Ну, мы ему и говорим: «Ищи-ка ты себе другую конуру!» – продолжил Кайл. – Стали его понемногу выживать. В конце концов до него дошло, что его больше не хотят, и он смылся.

– Напомните, когда это произошло?

– Год назад, – ответил Брайан.

– В его водительском удостоверении указан этот адрес.

– Подумаешь! – Он пожал плечами. – В моем тоже значится не этот адрес и даже не прошлый, а позапозапрошлый.

Уидмор бросила на него укоризненный взгляд.

– Ваша обязанность – уведомлять о перемене адреса.

– Теперь обязательно сообщу.

– Где Элай поселился, когда съехал?

Брайан и Кайл переглянулись.

– Я не в курсе, – сказал Кайл. – После того как он отсюда съехал, сюда еще приходила почта для него, но он не предупредил нас, куда подался, поэтому мы все это выбросили.

– Вы не объяснили, почему спрашиваете об этом, – спохватился Брайан.

– Значит, после его отъезда ни один из вас с ним даже не разговаривал?

– Лично я – нет, – подтвердил Брайан.

– Я тоже нет, – сказал Кайл.

– А я бы его даже не признал, если бы встретил, – заявил Картер.

– Вы не слышали про какие-нибудь неприятности, в которые он попал? Не здесь, в доме, а в других местах? С людьми, с полицией?

Троица дружно покачала головами.

– А про его родню вам что-нибудь известно? Где живут его родители? Они здесь, в Милфорде?

– По-моему, не то в Небраске, не то в Канзасе. Где-то там, – ответил Брайан.

– А точнее? Все-таки Канзас или Небраска?

Он покачал головой:

– Для меня это одно и то же.

Уидмор не очень беспокоила невозможность добиться от них толку. Гоуман – не такая уж распространенная фамилия, и поиск в Интернете телефонных номеров ее обладателей в двух этих штатах не должен был увенчаться слишком длинным списком.

– Если честно, странновато это как-то... – пробормотал Брайан.

– Что именно? – спросила Уидмор.

– Во второй раз за неделю он кому-то понадобился.

Она резко подалась вперед.

– Кто-то заходил сюда до меня?

Брайан передернул плечами.

– Ну, не знаю... Сначала я подумал, будто это коп вроде вас. Правда, он не показал ни значка, ни документов.

– Он назвал себя?

Он покачал головой.

– Почему тогда вы приняли его за копа?

– За кого еще мне было его принять? Здоровенный тип, в костюме, короткая прическа. И – не знаю, можно ли так говорить... – Брайан покосился на Кайла. – В общем, он был чернокожий. Вылитый сыщик из сериала «Прослушка», понимаете?

– Что ему понадобилось?

– Сказал, что ищет Элая. Мол, у них какие-то общие дела, раньше они часто общались, а потом он куда-то подевался. Он думал, что Элай все еще здесь живет. Я ему: да он уже год как отсюда съехал.

Будь посетитель полицейским, он показал бы значок, подумала Уидмор. Раз его приняли за копа, значит, он – бывший сотрудник полиции.

– Он был высокий? Я про того, кто искал Элая до меня.

– Футов шесть. Он напоминал бывшего футболиста.

– А возраст?

– Немолодой. Лет сорока.

Уидмор кивнула.

– Да, еще у него была дырка между зубов, где-то здесь. – Брайан прикоснулся пальцем к своим верхним зубам.

Уидмор приподняла брови.

– Точно?

– Да.

– А нос? – продолжила Уидмор. – Случайно, не свернутый набок, как после давнего перелома?

– Вроде того. Я даже спросил его, как это вышло.

– Это в твоём духе, – вставил Кайл.

– Он ответил, что ему заехали локтем в нос во время матча.

Этого детективу Уидмор вполне хватило. Перед ее мысленным взором предстал Хейвуд Дугган – такой, каким он был, когда работал в полиции штата, а Уидмор спала с ним и называла его Вуди.

Глава 14

Терри

– Я вроде как вырубилась, – объясняла Грейс, сидя со мной в машине. Мы пытались найти дом, в который они вломились со Стюартом. – Опомнилась уже снаружи. Револьвер, наверное, где-то выронила. Может, еще в доме. Скорее всего там – как бы я его удержала, когда вылезала из подвала? – Она напряженно соображала. – Еще я могла положить его на землю, прежде чем вылезти. Потом могла поднять его и выбросить в кусты по пути на заправку.

– Думай, Грейс! Это важно.

Она опустила голову, разглядывая свои руки.

– Не знаю. В доме. Да, там, я уверена. Вспомнила: я пыталась открыть входную дверь обеими руками.

– Уже лучше, – подбодрил я. – Молодчина!

На пересечении Нью-Хейвен и Галф я притормозил.

– Откуда ты бежала?

Дочь указала вправо, на Галф:

– Оттуда.

Я включил поворотник и еще больше сбавил скорость, чтобы Грейс освоилась с местностью. Первая поперечная улица на нашем пути называлась Джордж-стрит.

– Может, здесь? – спросил я, кивнув влево. – Или там? – Я указал в другую сторону.

– Не знаю. Непохоже. Все такое одинаковое!

Так оно и было. В темноте, при свете редких уличных фонарей, едва позволявшем отличить один дом от другого, я понимал, как ей трудно.

– Может, когда я увижу его машину, то пойму, та ли это улица, – произнесла она.

– Что это была за машина?

– Старая, большая. Бурая такая. Я бы ее узнала, если бы увидела. Он оставил ее не прямо перед тем домом, а за несколько домов.

Я миновал Джордж-стрит, тянущуюся влево Анкоридж-стрит, а вскоре и Бедфорд-стрит справа.

– Подожди, – сказала Грейс. – Вот это я помню. – Она указала на желтый пожарный гидрант. – Помню, как пробежала мимо него.

– Тогда ты прибежала с Бедфорд-стрит. – Я повернул направо.

– Да, кажется, здесь.

Я едва прикасался ногой к педали акселератора.

– Узнаешь какие-нибудь дома?

Грейс молча покачала головой.

– Где его машина?

– Наверное, это не та улица.

Мы добрались до Глен-стрит, примыкавшей к Бедфорд-стрит с юга.

– Здесь! – крикнула дочь. – Помню этот указатель.

Я вывернул руль влево. Впереди Глен-стрит плавно уходила вправо.

Никаких больших старых автомобилей вдоль улицы не стояло. Почти ко всем домам были широкие подъездные дорожки, на каждой помещалось по нескольку машин, поэтому у местных жителей не было необходимости оставлять их на проезжей части.

Через несколько минут я понял, что дальше нам ехать некуда: Глен-стрит заканчивалась тупиком.

– Если машина на этой улице, значит, мы ее уже проехали, – сказал я.

– Я все глаза проглядела. Нет ее здесь!

– Может, Стюарт не пострадал и укатил домой? – предположил я.

– Наверное.

В конце улицы я развернулся.

– На обратном пути разглядывай сами дома, – велел я. – Ищи дом, похожий на тот.

Я убеждал себя, что отсутствие на улице полицейских машин с «мигалками» – хороший признак. Если здесь что-то произошло, то, судя по всему, никто еще об этом не пронюхал. Кто-нибудь ведь наверняка услышал бы револьверный выстрел и вызвал бы полицию? А раз этого не случилось – значит... Но часто люди, услышав один выстрел, ждут второго и, не дождавшись, снова засыпают.

– Расскажи про дом, – попросил я.

– Двухэтажный, гаража с улицы не видно, потому что он за домом. Может, вот этот, или вот этот, или... Каунтчиллы!

– Что?

– Это их фамилия. Фамилия людей, которые там живут. Так сказал Стюарт.

Я затормозил, вынул сотовый, открыл приложение поиска адресов и телефонов и ввел «Каунтчилл» и «Милфорд». Через пару секунд перевел взгляд на первый из домов, на который показала Грейс.

– Этот!

Я выключил фары и заглушил мотор.

– Пойдем.

Я достал из-под сиденья фонарь. Грейс поспешно вылезла наружу, и мы двинулись по дорожке к дому.

– Я не соглашалась, – прошептала Грейс, схватив меня за руку и прильнув ко мне. – Поверь, я не хотела!

Я промолчал. Надо было бы спросить, о чем она думала. Наорать на нее. Но не сейчас. Сейчас главное – не шуметь. С нотациями следует повременить. Я подозревал, что нотация – наименьшая из нависших над моей дочерью бед.

– Где вы проникли в дом?

– Сзади. Стюарт сумел сделать так, чтобы сигнализация не сработала. Знаешь, как ловко? – Грейс проверила, смотрю ли я на нее. Я глаз с нее не сводил. – Наверное, он уже поступал так раньше.

Я промолчал, но мой взгляд был выразительнее любых слов, и дочь втянула голову в плечи. Увидев за домом гараж на две машины, я включил фонарь. Сначала я осветил в гаражное окно и разглядел внутри красный «порше» и еще один автомобиль. Мне было, конечно, любопытно, продолжил ли Стюарт осуществлять свой план угона после бегства Грейс. В том случае, если не пострадал. То, что автомобиль остался в гараже, – нехороший признак. Но считать это совсем плохим признаком пока не было причин.

Я направил луч фонаря на дом и увидел открытое подвальное окошко. Я поискал на земле револьвер. Его там не оказалось.

– Мы влезли здесь, – сказала Грейс.

Я приблизился к окну, осветил внутрь подвала и увидел внизу, на ковре, осколки стекла.

– Посмотрим, можно ли как следует все осмотреть, не залезая в подвал, – произнес я.

Мне хотелось заглянуть в окна кухни. Кухня в таких домах чаще всего располагалась сзади. Окна первого этажа находились примерно на уровне моей шеи. Мне было удобно заглянуть в них. Дом был окружен опалубкой, поэтому мне не пришлось топтать газон, чтобы

ткнуться носом в стекло. Окно было закрыто жалюзи, но они были повернуты так, чтобы пропускать свет, поэтому я мог что-то разглядеть между рейками. Я поднял фонарь и направил луч под углом, чтобы он проник в дом.

У меня получилось! В центре кухни высилась широкая стойка с гранитной поверхностью, у дальней стены поблескивал холодильник.

– Что-нибудь видно? – спросила Грейс.

Проблема заключалась в том, что я не мог увидеть пол кухни. Вдруг там кто-нибудь лежит?

– Почти ничего, – отозвался я.

Выход напрашивался сам собой: позвонить в полицию Милфорда. Полицейские смогут попасть в дом через дверь, а не через подвальное окно, связавшись с охранной фирмой, следившей за домом. Но у них возникли бы вопросы к Грейс. Про их со Стюартом план угона «порше». Про то, как они проникли в этот дом. На тот маловероятный случай, если все окажется неплохо, я хотел как можно дольше не посвящать во всю эту историю полицию. Предпочтительно никогда. Подозревал, что Грейс смирилась бы с любым наказанием, которое на нее обрушат родители, лишь бы не угодить за решетку. Нет, лучше не тешить себя иллюзиями. Я опустил фонарь и попятился от дома.

– Ничего не вижу, – сказал я. – Только кухню, и то поверху. Звук мог доноситься откуда-то еще.

Пора было решаться. Вызвать полицию или...

– Придется лезть, – проговорил я, глядя на чердачное окно.

– Не могу, – простонала Грейс. – Я больше не могу!

– Я тебя и не прошу. Останешься здесь. Будешь звонить мне по сотовому. Остаемся на связи все время, которое я там проведу.

Мы достали свои телефоны. Я велел дочери выключить звук и сам поступил так же. Грейс позвонила мне, телефон завибрировал у меня в руке, я принял звонок.

– Хорошо. Если возникнет проблема, сообщи мне.

Она кивнула, я сунул телефон в карман рубашки, чтобы не пропустить вызов. Осталось только опуститься на корточки и пролезть в открытое окно.

Глава 15

Синтия Арчер не находила себе места от тревоги. Почему Терри не позволил ей забрать Грейс? Почему обязательно хотел сделать это сам? Ведь он должен понимать, как это важно для нее. Как важно дать понять дочери, что, даже несмотря на свое временное бегство, она по-прежнему любит ее и заботится о благополучии. Даже таким простым способом, как подвезти дочь домой.

Может, Терри зол на нее? Из-за пива? Или из-за ее грубости? Неужели из-за Натаниэла? Ему хватило нескольких секунд разговора, чтобы что-нибудь заподозрить? Или сегодняшние события здесь ни при чем, просто Терри вообще надоело все происходящее в последнее время?

Или причина в чем-то ином? Вдруг проблема в Грейс? Например, Терри не захотел, чтобы Синтия ехала за Грейс, потому что девочка попала в беду? Не обязательно что-либо опасное, просто что-то такое, во что ее, Синтию, лучше не посвящать. Неужели они так к ней относятся? Как к динамитной шашке: при неправильном обращении возможен взрыв!

Вечно Терри и Грейс пытаются от чего-то уберечь ее, оградить, не позволить ей тревожиться. Вернее, это Терри всегда озабочен тем, чтобы защитить ее. Грейс больше увлечена самозащитой, потому и скрывает многое от матери. Но беда в том, что чем больше они ограждают ее от волнений, тем больше Синтия волнуется. Если дело обстоит именно так, то они что-то утаивают. У Грейс неприятности в школе? Она прогуливает уроки? Не выполняет домашние задания? Постоянно опаздывает? Испытывает трудности в общении с мальчиками? Курит? Пьет? Пристрастилась к наркотикам? Секс? С девочками-подростками может произойти что угодно, и их мамам от всего этого грозит психушка!

Синтия знала об этом лучше других. Отдавала себе отчет, что в таком возрасте сама была ходячей проблемой. Но знала и другое: какую бы головную боль ни доставляла своим родителям – пока они еще присутствовали в ее жизни, – она оставалась неплохой девочкой. Ну, делала иногда неверный выбор, как любой подросток. Например, зря она болталась той роковой ночью с Винсом Флемингом, семнадцатилетним обладателем скверной репутации. Ладно еще, если бы он всего лишь был склонен к шалостям, непозволительно быстро гонял на машине и злоупотреблял спиртным! Нет, все было гораздо хуже: его отец был прожженным гангстером, а, как говаривали ее мать и тетя Терри, «яблоко от яблони недалеко падает».

События той майской ночи 1983 года запомнились ей во всех подробностях, как ни пьяна она тогда была. Во всяком случае, все, что происходило до возвращения домой, где Синтия уснула мертвецким сном. Помнила, как отец нашел ее в «мустанге», где она сидела с Винсом, как выволок оттуда и увез домой. Дальнейшая уродливая сцена возникала у нее перед глазами, словно все происходило вчера.

А дальше – ужасные, ужасные события! Пробуждение утром в пустом доме – и неведение на протяжении последующих двадцати пяти лет, что за судьба постигла ее мать, отца и брата. А потом мучительные попытки смириться с тем, что семьи – той, в которой она росла, – больше не существует. Все это произошло не по ее вине.

Именно это Синтия твердо уяснила и приняла после тех лет благодаря доктору Наоми Кинзлер. По иронии судьбы дурное поведение той ночью и опьянение спасли тогда четырнадцатилетней Синтии жизнь. Она отключилась – и все пропустила. Хватит копаться в прошлом! Но в том-то все и дело, что она была не в силах это остановить. Травма, пережитая в подростковом возрасте, остается с тобой на всю жизнь. Синтия знала, что эта самая глубоко укоренившаяся тревога – причина ее беспокойства за Грейс и за Терри. Не важно, насколько безупречна их жизнь: она не переставала испытывать ужас перед тем, что подстерегало их за ближайшим углом.

На этот случай существовали лекарства. Но ей не нравились их последствия, не нравилось свое самочувствие от лекарств. Да и вообще, разве это дело – вечная настороженность? Готовность к неприятностям? Ложная, противоестественная успокоенность только раздражала Синтию. А жить в неизбывной тревоге – разве жизнь?

Эта квартира, при всех ее достоинствах, ее тоже не слишком устраивала. Совмещенная с кухней гостиная, спальня, ванная. В квартире напротив обитал Натаниэл, внизу проживали библиотекарьша Уиннифред и пожилой Орланд. В подобном окружении ей не грозили шумные вечеринки. Из всех соседей Синтия свела знакомство только с Натаниэлом Брейтуэйтом. Звонкая фамилия для человека, зарабатывающего на жизнь выгулом собак в то время, когда их владельцы заняты на работе!

Синтия упрекнула себя за критику в его адрес, пусть даже мысленную. Натаниэл был приятным соседом: тридцать три года, жгучий брюнет, стройная фигура. Наверное, выгул собак позволяет сохранить форму не хуже, чем посещение гимнастического зала. По его словам, он преодолевал за день миль десять. Да еще постоянные наклоны, чтобы убирать за собаками, – чем не ритмическая гимнастика? Нагрузки через край!

Раньше у него была собственная IT-компания в Бриджпорте: они разрабатывали приложения для оператора сотовой связи, обанкротившегося пару лет назад. Натаниэл разъезжал на шикарной машине, владел квартирой в кондоминиуме с окнами на залив и недвижимостью во Флориде. Но когда его главный клиент прекратил платежи и не вернул Натаниэлу двухмиллионный долг, его компания заодно с неплательщиком пошла ко дну. Натаниэл лишился не только компании, квартиры и всех своих средств в банке. От него ушла жена. Они познакомились, когда Натаниэл находился на гребне волны, она успела привыкнуть к определенному уровню жизни. Когда все рухнуло, распался и их брак.

Позднее, как он рассказывал Синтии, когда они останавливались поболтать в холле или на лестнице, он повредился рассудком. Натаниэл называл это нервным срывом. Взрывом мозга с добавлением весомой доли депрессии. Это продолжалось около года, бедняга даже провел неделю в больнице, когда был близок к самоубийству. Выплыв наконец из темноты на свет, выбрал более простое, менее амбициозное, не грозившее стрессом существование.

Он не собирался возвращаться в прежнюю рискованную колею еще полгода, а может, год. Возможно, навсегда со всем этим покончил. Сначала Натаниэл обзавелся квартиркой, потом научился обеспечивать себя кое-какой едой и даже набивать холодильник пивом. А еще он любил собак. В детстве у него всегда были собаки. О нескольких годах учебы на ветеринара Натаниэл не помышлял, но не сомневался, что для того, чтобы их выгуливать, диплом ни к чему. Завел несколько клиентов, чьи собаки ежедневно нуждались в уличном выгуле – где еще им было делать свои дела?

Синтии нравился Натаниэл. Она старалась не испытывать к нему жалость. Он утверждал, будто счастлив, не нуждается в жалости, однако выглядел так, будто мог в любой момент сорваться. Она ничего не могла с собой поделать: Натаниэл вызывал у нее нежность, материнские чувства. Все-таки он был моложе Синтии на целых тринадцать лет. Да еще красавчик.

Но в данный момент ей было не до Натаниэла. Все мысли Синтии были посвящены поиску ответа на один вопрос: почему Терри не захотел, чтобы она отвезла Грейс домой? Что-то здесь было не так. Возникал и другой вопрос: следует ли ей что-либо предпринять? Если да, то что? Перезвонить через час и убедиться, что Грейс благополучно вернулась домой. Синтия шагала взад-вперед по квартире, размышляя, как поступить. Выпить чашку чая и лечь в постель – вот что нужно сделать. Будто она на это способна! На маленьком обеденном столе выросла стопка брошюр ее собственного сочинения – любимое чтение за едой, – слипшаяся и грозившая заплесневеть от долгого забвения. Синтия взяла одну и сразу пришла к заключению, что все то же самое можно было бы выразить гораздо проще, не так заумно.

От чтения ее отвлек шум в холле. Вдруг Терри надумал навестить ее вместе с Грейс? Можно ли надеяться на подобный сюрприз на ночь глядя?

Но до ее слуха стали доноситься голоса, звучащие на повышенных тонах. Это были двое мужчин, и Терри среди них не было.

Распахнув дверь, Синтия увидела Орланда, соседа снизу, пытающегося открыть дверь квартиры Натаниэла. Он крутил дверную ручку, но запертая дверь не поддавалась.

Орланду было лет семьдесят. Очень тощий, в свое время в нем было, наверное, шесть футов, но теперь он горбился и казался ниже. Жидкие волосы растепаны, словно Орланд недавно снял головной убор, которого, правда, у него в руках не наблюдалось. Брови косматые, из ушей торчали волосы, очки в серебряной оправе сидели на носу криво.

Натаниэл, находившийся в десяти футах от него, в конце холла, у самой лестницы, спросил:

– Я могу вам помочь?

Орланд оглянулся:

– Что? Да. Помогите мне открыть эту чертову дверь.

Он ударил в дверь кулаком.

– Милая! Да открой ты эту дверь! – Он посмотрел на Натаниэла. – Жена выгнала меня и заперлась. Вот стерва!

Синтия вышла в холл и мягко положила руку ему на плечо. Он повернул голову и взглянул на нее поверх очков.

– Вы не моя жена.

– Это я, Синтия, ваша соседка сверху. По-моему, вы ошиблись дверью.

– Что?

– Орланд, – произнес Натаниэл, – позвольте, мы проводим вас вниз.

– Моя жена переехала?

Натаниэл и Синтия повели его к лестнице, вернее, Натаниэл вел, а Синтия шла следом. Дверь в квартиру Орланда была не заперта. Они усадили его в кресло перед включенным телевизором.

– Я смотрел телевизор, – сообщил Орланд.

В квартире больше никого не было. Охота на жену пока прекратилась.

– Вам ничего больше не понадобится? – спросил Натаниэл.

– Я в порядке. Что вы здесь делаете?

– Спокойной ночи, Орланд, – промолвила Синтия и вместе с соседом покинула квартиру. – Никогда его таким не видела, – заметила она.

– Я тоже, – кивнул Натаниэл. – Хорошо, что я вовремя успел домой, а то бы он проник ко мне и я нашел бы его у себя в постели.

В холле второго этажа Синтия добавила:

– Я вот думаю, надо ли поставить в известность Барни. Если Орланд не угомонится, то может устроить пожар или еще что-нибудь.

– Действительно, я и не подумал!

Они подошли к двери его квартиры.

– Хотите кофе? Мне, честно говоря, как-то не по себе...

– Уже поздно, – напомнила Синтия.

– Я собирался сварить кофе без кофеина, если боитесь не уснуть. – Натаниэл улыбнулся, сверкнув безупречными зубами, и открыл дверь. – Всего две секунды!

Она знала, что должна вернуться к себе и запереть дверь. Но было соблазнительно хоть с кем-то обсудить происшедшее. Только приняв приглашение, Синтия поняла, как ей порой одиноко. Даже такая суматоха была хороша тем, что сулила компанию. Разговор с Натаниэлом

был способен ослабить ее тревогу из-за какой-то волнующей правды, которую Терри и Грейс могли от нее скрывать. Как и из-за того, что она скрывала от них.

– Отлично, – сказала Синтия. – Кофе без кофеина – то, что нужно.

Глава 16

Терри

Я просунул ноги в окошко, немного поболтал ими в воздухе и спрыгнул. До пола подвала оказался всего фут. Посветил вокруг себя фонарем и увидел то, что ждал увидеть: большие диваны, телеэкран, доска для метания дротиков на стене, книжные полки с DVD-дисками и старыми видеокассетами. Я посветил себе под ноги, чтобы не наступить на стекло и не пропороть подметку. Но избежать хруста битого стекла было невозможно.

– Что там, папа? – спросила Грейс. Мне были видны только ее ноги до колен.

– Ничего, просто стекло.

Высматривая, где находится ведущая наверх лестница, я достал из кармана телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.